ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

ТАЙНЫ СОВЕТСКОЙ ИМПЕРИИ

СПОНСОРЫ РЕВОЛЮЦИИ · ВОЖДИ ПОД ПРИЦЕЛОМ · ТАЙНЫ И ЗАГАДКИ ГИБЕЛИ МИХАИЛА ФРУНЗЕ И СЕРГЕЯ КИРОВА · ДАМАНСКИЙ, ЖАЛАНАШКОЛЬ · ГИБЕЛЬ ПЕТРА МАШЕРОВА

FOLIO

Загадки истории (Фолио)

Андрей Хорошевский

Тайны советской империи

«ОМІКО»

2011

Хорошевский А. Ю.

Тайны советской империи / А. Ю. Хорошевский — «ОМІКО», 2011 — (Загадки истории (Фолио))

Период с 25 октября (7 ноября по новому стилю) 1917 года до 25 декабря 1991 года – это не просто «советская эпоха», не просто «Советская империя», это миллионы людей, которым довелось жить в этом временном промежутке. Эта империя возникла, пробыла какое-то время на историческом небосклоне и сошла с него. А это значит, что в ее истории были свои тайны и загадки. Естественно, их было очень много. Пять загадок и тайн, о которых рассказывается в этой книге, – это лишь малая их часть. Надеемся, что читателю будет интересно узнать что-то новое из истории государства, которое еще недавно было общей родиной для трех сотен миллионов людей.

© Хорошевский А. Ю., 2011
© ОМІКО, 2011

Содержание

СПОНСОРЫ РЕВОЛЮЦИИ: ЗАГАДКИ И ТАЙНЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ 5
ВОЖДИ ПОД ПРИЦЕЛОМ: ЗАГАДКИ ПОКУШЕНИЙ НА СОВЕТСКИХ ЛИДЕРОВ 50
Конец ознакомительного фрагмента. 60

А. Хорошевский
Тайны советской империи

СПОНСОРЫ РЕВОЛЮЦИИ: ЗАГАДКИ И ТАЙНЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ

Период с 25 октября (7 ноября по новому стилю) 1917 года до 25 декабря 1991 года – это не просто «советская эпоха», не просто «Советская империя», это миллионы судеб, которым довелось жить в этом временно́м промежутке. Советская империя – понятие противоречивое, каждый может понимать его по-своему. Кому-то вообще может не понравиться термин «Советская империя», ведь это было время относительного спокойствия, уверенности в завтрашнем дне, время, когда народы, объединенные на одной шестой части суши, жили дружно, а саму эту страну уважали во всем мире. Для других же – это время страха, когда нечаянно оброненное слово могло обернуться для человека десятилетиями забвения, время «дружбы по принуждению», время, когда огромная империя была ядерным пугалом для всего мира. Первым казалось, что эта страна, пусть даже империя – бессмертна, вторые же (которых сначала было очень немного, но с каждым годом становилось все больше) помнили об известном историческом принципе: империи не вечны, причем в историческом плане время их жизни очень и очень коротко.

Так или иначе, Советская империя возникла, пробыла какое-то время на историческом небосклоне и сошла с него. А это значит, что в ее истории были свои тайны и загадки. Естественно, что их было гораздо больше, чем тех, о которых мы попытаемся рассказать в этой книге. Пять загадок и тайн – это лишь малая их часть, тем не менее, надеемся, что читателю будет интересно узнать что-то новое из истории государства, которое еще недавно было общей родиной для трех сотен миллионов людей.

Начнем же мы с загадки появления империи, с того времени, когда она находилась в зародыше и лишь немногие верили в то, что она появится на свет. Как же удалось этим немногим победить другую империю? Читателям, конечно, известно, что была предреволюционная ситуация, мировая война, первая революция, вторая революция, а дальше – 74 года империя, или эпоха – кому как нравится.

А что же такое революция? Обратимся к одному из символов советской эпохи, источнику, на наш взгляд, очень уместному в данном случае, – Большой советской энциклопедии. Итак:

«Революция социальная, способ перехода от исторически изжившей себя общественно-экономической формации к более прогрессивной, коренной, качественный переворот во всей социально-экономической структуре общества. Содержание Р. классически раскрыто К. Марксом в Предисловии к «К критике политической экономии»: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции…»

Классы и социальные слои, которые по своему объективному положению в системе производственных отношений заинтересованы в ниспровержении существующего строя и способны к участию в борьбе за победу более прогрессивного строя, выступают в качестве дви-

жущих сил Р. Революция никогда не является плодом заговора одиночек или произвольных действий изолированного от масс меньшинства».

Обратим внимание на последнее предложение. Из него естественным образом делается вывод, что для революции необходима некая организация, строгая структура, ведущая за собой массы. Более того, хотя энциклопедия об этом и не упоминает, со временем революция стала делом профессионалов, людей, для которых действия по подготовке революционной ситуации и непосредственному осуществлению смены власти являются их работой.

Вся эта довольно долгая прелюдия на самом деле сводится к простой формуле: чтобы произошла революция, нужны профессионалы, которые смогут ее сделать, а им, в свою очередь, нужны деньги. Но деньги нужно откуда-то взять, или их должен кто-то дать. Финансирование революции и революционеров – это и есть первая загадка Советской империи.

Для начала спросим у читателя: знакомо ли ему такое понятие – «Большевистский центр»? Если да, то практически все, о чем в дальнейшем мы собираемся поведать в этой главе нашей книги, вряд ли будет для него какой-то особой тайной. Но думается, что таких просвещенных читателей найдется очень немного.

Интересно, что в советское время, когда история РСДРП– ВКП(б) – КПСС была изучена до последней запятой, когда каждый советский гражданин обязан был знать эту историю, о Большевистском центре знала лишь очень небольшая группа историков, имевших доступ к наиболее строго охраняемым архивам. Например, в «Истории Российской коммунистической партии (большевиков)», изданной в 1923 году под руководством Г. Е. Зиновьева, того самого, который через десяток лет был объявлен одним из лидеров «троцкистско-зиновьевского блока» и сгинул в застенках Лубянки, о Большевистском центре еще упоминается, хотя и как-то вскользь, очень сдержанно. А вот, например, в «Кратком курсе истории ВКП(б)», отредактированном лично Сталиным, о нем ничего не говорится.

Откуда же такая таинственность и загадочность? Ведь, кроме всего прочего, в работе Центра принимали участие виднейшие большевики, в том числе и сам В. И. Ленин. Дело в том, что большевистская фракция в РСДРП, возглавляемая Лениным, постоянно испытывала нужду в средствах. Как известно, руководители фракции большую часть времени проводили за границей, там же они организовывали выпуск легальной и нелегальной прессы и литературы, готовили кадры для партии, как это было, например, в знаменитой школе пропагандистов в пригороде Парижа Лонжюмо. Те же, кто оставался в России, за счет партийных взносов и добровольных пожертвований едва-едва покрывали свои расходы на текущую деятельность и, как правило, не имели возможности переводить своим лидерам за границей хотя бы минимальных отчислений. В этой ситуации руководители большевистской фракции РСДРП приняли решение создать организацию, впоследствии получившую название «Большевистский центр», в задачи которой входило финансовое и материальное обеспечение нужд фракции.

Историки расходятся во мнении относительно того, когда именно был создан Центр. Одни называют май 1906 года – тогда состоялся Стокгольмский съезд РСДРП, другие – май следующего, 1907 года, имея в виду Лондонский съезд российских социал-демократов. Очевидно, подобные разногласия объясняются тем, что в Стокгольме идея создания Центра впервые была озвучена, официально же она была оформлена в Лондоне. В столице Британской империи фракционное отделение большевиков получило свою организационную базу и официальное название. В руководство Центра входили 15 человек: А. А. Богданов, И. П. Гольденберг (Мешковский), И. Ф. Дубровинский, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Л. Б. Красин, В. И. Ленин, Г. Д. Линдов, В. П. Ногин, М. Н. Покровский, Н. А. Рожков, А. И. Рыков, В. К. Таратута, И. А. Теодорович и В. Л. Шанцер.

У Большевистского центра было три задачи. Первая и, очевидно, самая важная – добывание средств. Вторая – техническое обеспечение подпольной работы, прежде всего это касалось типографий, где печатались нелегальная литература, фальшивые документы и т. д. Третья

– обеспечение необходимых контактов за границей, как с властями и легальными структурами и партиями, так и нелегальными организациями.

Ядром, средоточием власти в Большевистском центре была так называемая «большая тройка» – Владимир Ленин, Александр Богданов, Леонид Красин. «Летом и осенью 1904 г. мы окончательно сошлись с Богдановым, как беки (большевики. – *Авт.*), и заключили тот молчаливый и молчаливо устраняющий философию, как нейтральную область, блок, который… дал нам возможность совместно провести в революцию… тактику революционной социал-демократии», – так в одном из писем Горькому Ленин писал о своих взаимоотношениях с Богдановым. В 1904 году Ленин, у которого вконец испортились отношения с коллегами по редакции «Искры» (Носковым, Красиным, Кржижановским и др.), находился в политическом одиночестве, из-за чего испытывал серьезные материальные затруднения и не имел возможности печатать свои сочинения. Именно в этот момент Александр Богданов, член ЦК РСДРП, предложил ему свою помощь, буквально вытащив из политической ямы. Богданов же сумел вернуть на сторону Ленина Красина и некоторых других членов РСДРП. Оба, и Ленин, и Богданов, осознавали свои различия во взглядах на философию и социал-демократическое движение, что, тем не менее, не помешало заключить им стратегический союз.

Основными источниками пополнения кассы Большевистского центра были, во-первых, доходы от экспроприаций, производимых боевыми дружинами, а во-вторых, суммы, получаемые от пожертвований и разного рода сборов.

Экспроприации как форма пополнения партийного бюджета лидерами социал-демократических организаций никогда официально не поощрялась. Кроме одной – фракции большевиков, руководимой Лениным.

Одной из первых крупных экспроприаций, проведенных большевиками совместно с латышскими социал-демократами, было ограбление филиала Государственного банка в Гельсингфорсе в феврале 1906 года. Руководил операцией Янис Лютер, один из основателей Латышской социал-демократической рабочей партии и руководитель всех ее военизированных формирований, большевик с 1903 года; всего же в ней участвовало 15 человек. Похитив 170 тысяч рублей, налетчики скрылись. Правда, большинство из них были затем задержаны полицией, была возвращена государству и часть денег. Однако около 110 тысяч были переданы Красину и попали в распоряжение Большевистского центра.

Боевые группы действовали не только на севере империи. Очень активно практиковали «эксы» большевики Закавказья во главе Симоном Тер-Петросяном, известным под партийной кличкой Камо. Именно эта группа осуществила самое громкое «ограбление по политическим мотивам» в Российской империи – так называемую «Тифлисскую экспроприацию», нападение на казначея Тифлисского банка на Эриванской площади.

Днем 13 июня 1907 года заведующий особым отделом тифлисской полиции полковник Бабушкин отправил в Главный департамент полиции телеграмму следующего содержания:

«Сегодня в 11 утра в Тифлисе на Эриванской площади транспорт казначейства в 350 тысяч был осыпан семью бомбами и обстрелян с углов из револьверов, убито два городовых, смертельно ранены три казака, ранены два казака, один стрелок, из публики ранены 16, похищенные деньги, за исключением мешка с девятью тысячами изъятых из обращения, пока не разысканы, обыски, аресты производятся, все возможные аресты приняты».

Чуть позже Бабушкин отправил еще одну телеграмму: «Депеше № 5657 цифра неправильна, проверкою установлено ограбление двухсот пятидесяти тысяч».

Несмотря на то что первоначальная похищенная сумма «несколько уменьшилась», дело было очень громким. Для его расследования и задержания налетчиков были подключены лучшие полицейские силы, однако даже чрезвычайные меры оказались безрезультатными. Все 250 тысяч «наш кавказский разбойник» (как называл Камо Ленин) лично привез в штаб-квартиру Большевистского центра в Куоккала. Вот здесь-то у большевиков начались трудности.

150 тысяч рублей были в мелких купюрах и размен их не представлял опасности, эти деньги сразу же поступили в распоряжение «большой тройки». Но 100 тысяч были в купюрах по 500 рублей. Понимая, что попытка реализовать или разменять эти купюры может вывести на след налетчиков и тех, кто их направлял (кстати, утверждается, что в то время главным лидером и организатором всех действий грузинских боевых дружин был небезызвестный Иосиф Джугашвили), Центр принял решение вывезти эти 100 тысяч за границу, что и было сделано большевиком М. Н. Лядовым.

Красин, курировавший всю операцию, решил провести размен «опасных денег» одновременно в нескольких городах Европы. Возможно, он также предполагал, что номера украденных 500-рублевых купюр могут быть известны полиции и что царское правительство может сообщить эти номера зарубежным банкам. Не исключено, что Красин понимал, что некоторых из «обменщиков» могут задержать. Но задержали не «некоторых», а практически всех – операция по обмену закончилась полным провалом. В Париже, например, был арестован Макс Валлах, более известный под именем Максим Литвинов, – будущий нарком иностранных дел СССР. Задержали большевиков с купюрами в Мюнхене, Стокгольме, Женеве и других городах.

Провал объяснялся тем, что заграничный филиал Охранного отделения в Париже был хорошо осведомлен о приготовлениях Красина и заблаговременно уведомил полицию тех стран, где проводился обмен. Оказалось, что среди привлеченных к этой операции людей был некто Житомирский (Отцов), доверенный человек Ленина по делам большевистских групп в эмиграции и одновременно осведомитель охранного отделения.

Впрочем, о роли Житомирского стало известно только после 1917 года, тогда же, в 1908-м, провал операции привел в итоге к разрыву Ленина с Красиным, а затем и с Богдановым. После этого Ленин назвал Красина «очковтирателем», а затем и вовсе обвинил в краже ни больше ни меньше 140 тысяч рублей из партийной кассы. Естественно, что никакой кражи в помине не было. В конце концов, уже после революции 1917 года Ленин привлек Красина на работу в советское правительство, сделав его сначала председателем Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной армии, затем наркомом торговли и промышленности, а с марта 1919 года – наркомом путей сообщения. Трудно себе представить, что на такие ответственные, в том числе и с финансовой точки зрения, должности, был назначен человек, «когда-то что-то укравший».

В чем же была истинная причина развала «большой тройки»? О возможном варианте развития событий пишет в своей книге известный историк и революционер Б. М. Николаевский, который до революции 1917 года восемь раз был арестован полицией, а после – вынужденный эмигрировать за границу.

«Оба его коллеги по этому триумвирату были слишком крупными индивидуальностями и слишком самостоятельными людьми, чтобы Ленин мог надеяться превратить их в простые пешки в его руках… Ленина они оба, особенно Богданов, в настроениях которого было много элементов примитивной революционной романтики, ценили исключительно высоко и признавали его ведущую роль, но умели самостоятельно мыслить политически, самостоятельно разбирались в людях и событиях и были способны свои мнения отстаивать, отказываясь от них лишь после того, как им приводили убедительные аргументы. Поэтому пока «коллегия трех» в указанном составе была руководящим органом БЦ, при всех размерах личного влияния Ленина, руководство большевистской фракцией было руководством коллективным.

Но Ленин был слишком авторитарной натурой, чтобы надолго ограничивать себя ролью хотя бы и первого, но все же только одного среди трех равноправных членов правящего триумвирата».

То есть, по мнению историка, речь идет о борьбе за власть во фракции. Как отмечает другой известный историк Юрий Фельштинский: «Дело в том, что в это самое время Ленин получил известие об успешном завершении еще одной операции, дающей в кассу БЦ большие

деньги. Настолько большие, что стало выгодно не делиться ими со старыми соратниками – Красиным и Богдановым, а поссориться с ними, обвинив их в присвоении денег от тифлисской экспроприации, а новые деньги забрать себе».

* * *

Почему такие люди, как Камо, бойцы самого что ни на есть переднего края борьбы с царизмом, оказались в итоге задвинутыми даже не на второй, а как минимум на третий план? И почему замалчивается деятельность Большевистского центра? Неужели дело в том, что их методы борьбы за денежные знаки впоследствии были признаны «неблаговидными»? Думается, что это на самом деле мало волновало тех, кто впоследствии писал и, что гораздо важнее, редактировал учебники по истории партии. Очевидно, причины этого надо искать в другой плоскости.

Во-первых, на фоне «робингудов – экспроприаторов» революционная борьба главных вождей большевиков выглядела как-то неубедительно. Взять хотя бы того же самого Владимира Ильича. Да, была подпольная деятельность, да, была ссылка в Шушенское и тому подобное. Но как ни делай эту ссылку «тягостной и полной лишений», она, по большому счету, таковой не выглядит. И уж тем более такой не является жизнь в эмиграции, в которой Ленин, как известно, с 1908 года провел десять лет до самой февральской революции 1917 года. Судьба товарища Сталина в этом смысле выглядела более привлекательно, и все же и она блекла на фоне той опасности, которой ради дела революции подвергали себя Камо и другие «добытчики» денег для партии.

И второй момент. Эксы эксами, но они не могли в полной мере обеспечить потребности тех, кто готовил революцию. Был и еще один источник денег – пожертвования людей, сочувствовавших революционерам. Здесь были совершенно удивительные повороты, как, например, судьба знаменитого Саввы Морозова – одной из выдающихся фигур российского предпринимательства, помогавшего большевикам организовывать подпольную деятельность и забастовки рабочих.

Собственно говоря, Савва Морозов и подобные ему были представителями того самого класса, к искоренению которого стремились большевики. Что, однако, совершенно не мешало им принимать от «буржуев» деньги. С точки зрения редакторов учебников по истории КПСС, факт «не очень героический». Но опять же, не в этом заключается причина того, что деятельность Большевистского центра, как и вся система финансирования революционной деятельности, начиная с 1905-го и заканчивая 1917 годом, была практически закрытой темой. Как писал Борис Николаевский, «знакомство с материалами о БЦ (Большевистском центре. – *Авт.*) позволяет понять причины замалчивания: в его истории было слишком много таких сторон, привлекать внимание к которым советские историки считают нежелательным».

Попытаемся же пролить свет на те «стороны», которые были нежелательными для советских историков, и остановимся на судьбе двух «спонсоров революции» – Саввы Морозова и его родственника Николая Шмита[1].

На первый взгляд, жизнь Саввы Морозова изучена более чем подробно. Немало написано и сказано о его смерти. Но все равно остается какая-то недосказанность и противоречивость. Была ли смерть Саввы Тимофеевича самоубийством, как это было объявлено после официального расследования? Если нет, то тогда откуда прозвучал выстрел, оборвавший его жизнь, – справа или слева? Все эти вопросы – это не просто одна из загадок истории, они непосредственно касаются темы данного очерка.

[1] В литературе также часто встречается вариант написания Шмидт.

* * *

Как и очень многие российские купеческие династии, семья Морозовых происхождения была самого простого. Крепостной крестьянин села Зуева Московской губернии Савва Васильевич Морозов, родившийся в 1770 году в старообрядческой семье, работал ткачом на небольшой фабрике некоего Кононова. Поднакопив денег, в 1797 году он завел собственную мастерскую, при этом оставаясь в крепостной зависимости от своего помещика Рюмина. Поначалу дела Саввы шли ни шатко ни валко, но после 1812 года резко пошли в гору. Дело в том, что знаменитый пожар уничтожил практически все ткацкие мастерские Москвы. Потребности в тканях были огромны, и Савве благодаря этому удалось разбогатеть – настолько, что в 1820 году он сумел выкупить себя и всю свою немалую семью из крепостных за баснословные по тем временам деньги – 17 тысяч рублей. В 1850 году Савва Васильевич отошел от дел, а спустя десять лет умер, оставив дело сыновьям.

Еще в 1837 году старший сын Саввы Васильевича Елисей открыл в селе Никольском красильную фабрику, таким образом фактически отделившись от отца. Его сын, Викула Елисеевич, существенно расширил дело – в 1872 году он основал бумагопрядильную фабрику, а в 1882-м учредил паевое «Товарищество Викула Морозов с сыновьями». Именно поэтому эту ветвь семьи Морозовых часто называют «Викуловичами».

Главой другой ветви Морозовых долгое время был Тимофей Саввич Морозов – младший сын Саввы Васильевича. Тимофей Морозов – квинтэссенция российского дельца второй половины XIX столетия. Человек невероятно предприимчивый и жесткий, суровый по отношению к окружающим, в том числе и родным, и энергичный. Морозов оснастил свои фабрики новейшими английскими станками и другим оборудованием, пригласил на работу самых прогрессивных инженеров своего времени как из-за границы, так и русских. Но при этом он выжимал последние соки из своих рабочих. 15-тысячное население села Никольское (ныне это город Орехово-Зуево Московской области) находилось фактически в феодальной зависимости от хозяина. Тимофей Морозов ввел жесточайшую систему штрафов за малейшие нарушения. В среднем рабочие были вынуждены отдавать хозяину от четверти до половины своего и без того невеликого заработка (за 1882–1884 годы он снижался пять раз).

Если учесть еще и адские условия труда, то неудивительно, что именно на фабрике Тимофея Морозова вспыхнула первая в России массовая стачка рабочих. Забастовка, начавшаяся 7 января 1885 года, первоначально напоминала обычный погром – рабочие разгромили контору, лавки, квартиры директора и мастеров. Однако руководителям стачки быстро удалось прекратить погром и повернуть выступление рабочих в организованное русло. Поначалу правительство действовало в привычной манере – разогнать и арестовать. 17 января стачка была подавлена, более 600 человек было арестовано. Однако масштабность Морозовской стачки и последовавшие за ней выступления заставили правительство пойти на весьма значительные уступки. Например, в изданном в июле 1886 года Законе о штрафах были отражены многие требования никольских забастовщиков. Более того, на суде над зачинщиками стачки всесильный Тимофей Морозов, вызванный в качестве свидетеля, в глазах публики превратился в главного обвиняемого. Савва Морозов вспоминал об этом суде: «В бинокли на него смотрят, как в цирке. Кричат: «Изверг! Кровосос!» Растерялся родитель. Пошел на свидетельское место, засуетился, запнулся на гладком паркете – и затылком об пол, как нарочно перед самой скамьей подсудимых. Такой в зале поднялся глум, что председателю пришлось прервать заседание».

Суд, на котором вскрылись многие злоупотребления Морозовых, произвел на Тимофея Саввича настолько гнетущее впечатление, что он слег на месяц, а после намеревался продать фабрику, и только уговоры и железная воля супруги Марии Федоровны не позволили этого сделать. Однако от дел он полностью отошел и через четыре года умер.

Морозовская стачка вызвала огромный резонанс в Российской империи. Писал о ней и Ленин: «Эта громадная стачка произвела очень сильное впечатление на правительство, которое увидало, что рабочие, когда они действуют вместе, представляют опасную силу, особенно когда масса совместно действующих рабочих выставляет прямо свои требования».

Впрочем, в 1885 году будущий вождь мирового пролетариата еще был пятнадцатилетним школьником и вряд ли думал о том, что на деньги сына того самого «кровососа» Тимофея Морозова он будет готовить революцию.

* * *

Мы не будем подробно останавливаться на детских и юношеских годах Саввы Морозова, скажем только, что родился он 3 (15) февраля 1862 года, воспитывался в традиционном старообрядческом духе, при этом по характеру был горяч, порывист и особым послушанием не отличался. Савва окончил 4-ю московскую гимназию, в 1885 году поступил на естественный факультет Московского университета, а затем отправился в Англию, в Кембридж, где поступил на химический факультет и параллельно изучал текстильное дело.

А еще Савва Морозов был человеком увлекающимся и готов был тратить на свои разнообразные увлечения огромные деньги, тем более, что он стал во главе семейного дела (здесь, кстати, нужно отметить, что Савва управлял наследством отца, но не был его полновластным хозяином – согласно завещанию Тимофея Морозова, большая часть паев отошла Марии Федоровне, матери Саввы). Самым известным меценатским проектом Морозова был, безусловно, Московский художественный театр. Роль Саввы Тимофеевича в создании самого знаменитого театра России ничуть не меньше, чем Станиславского и Немировича-Данченко. Морозов не просто финансировал все расходы театра, он, по воспоминаниям Станиславского, «…взял на себя всю хозяйственную часть. Он вникал во все подробности дела и отдавал ему все свободное время. Савва Тимофеевич был трогателен своей бесконечной преданностью искусству».

Впрочем, у столь страстного увлечения театром была еще одна причина, кроме «бесконечной преданности искусству».

* * *

Женитьба Саввы Морозова на Зинаиде Григорьевне Зиминой наделала в свое время немало шуму и долго была предметом самых разнообразных пересудов. Дело в том, что Морозов без памяти влюбился в замужнюю женщину. В те времена развод уже не был чем-то совсем уж немыслимым, хотя и осуждался обществом, однако Савва «умудрился» отбить жену у своего родственника – двоюродного племянника Сергея Викуловича Морозова.

Поначалу страсть была взаимной и всепоглощающей. Зинаида Григорьевна отличалась красотой и умом, что было редкостью для купеческих жен и что, очевидно, и привлекло Савву. Но при всем своем уме Зинаида была тщеславна и обожала роскошь. Так что вскоре страсть сменилась обоюдным равнодушием, и брак не могли спасти даже четверо детей.

Неудивительно, что Савва Морозов снова влюбился. Свою любовь он встретил в МХТ. Бурный роман с Марией Федоровной Желябужской, более известной под сценическим псевдонимом Андреева, вновь стал событием номер один для московской публики. Андреева считалась если и не самой талантливой, то по крайней мере самой красивой актрисой российской сцены. Первый ее супруг, высокопоставленный чиновник Московско-Курской железной дороги, вряд ли мог надолго увлечь такую склонную к авантюрам и приключениям натуру, как Мария Федоровна.

Мы не упоминали бы обо всех этих любовных перипетиях, если бы не одно «но». Актерскую карьеру Мария Андреева совмещала… с революционной деятельностью. «Това-

рищ феномен» – так называл ее Ленин, имея в виду не ее красоту и актерские таланты, а способность с их помощью добывать деньги для партии. Именно под влиянием Андреевой Савва Морозов стал вносить первые пожертвования на «дело революции». Крупнейший российский предприниматель финансировал издание ленинской «Искры», легальных большевистских газет «Новая жизнь» и «Борьба», провозил на свою фабрику запрещенную литературу и т. д. и т. п. А в 1904 году (как говорят, под влиянием все той же Марии Андреевой) он назначил на должность директора Никольской мануфактуры человека по имени… Леонид Борисович Красин.

Однако все же не стоит думать, что Савва Морозов был настолько слеп от любви к Андреевой и так же слепо увлечен идеями Ленина, что давал деньги на что угодно и сколько угодно, не имея в виду получить что-то взамен. Многие российские предприниматели хоть и находились на совершенно разных полюсах с представителями социал-демократического и прочих левых движений, были так же, как и они, недовольны самодержавием, считая его тормозом на пути развития России. И Савва Морозов был именно из таких. Не следует также забывать, что он хоть и не был истово религиозен, как его отец и мать, но все же происходил из старообрядческой среды. А в конце XIX – начале XX века старообрядцев хоть и не преследовали, как в XVII–XVIII столетиях, но они все же отчасти были поражены в правах.

В 1900 году в «любовно-финансовые» отношения Марии Андреевой и Саввы Морозова вмешался еще один персонаж – Максим Горький. В 1903 году Андреева стала гражданской женой писателя. Обычный русский купец тотчас бросил бы неверную возлюбленную, не говоря уже о том, чтобы прекратить снабжать ее деньгами. Но Савва Морозов был человеком иного склада. Он продолжал трепетно заботиться о ней, более того – и о ее новом возлюбленном. Когда на гастролях в Риге Мария Федоровна заболела перитонитом и была на волосок от смерти, все заботы о ней взял на себя именно Савва Морозов. И он же в начале 1905 года внес 10 тысяч рублей залога за арестованного Горького.

И еще один финансовый момент. Когда Морозов и Андреева были еще близки, Савва Тимофеевич застраховал свою жизнь. Полис на предъявителя он отдал Марии Федоровне, вместе с письмом, в котором, как утверждала актриса, он «поручает деньги мне, так как я одна знаю его желания, и что он никому, кроме меня, даже своим родственникам, довериться не может». Андреева позже ушла к другому, но Савва Тимофеевич свой полис не отозвал, хотя речь шла о сумме весьма значительной – 100 тысяч рублей. В дальнейшем этот полис будет не раз упоминаться в качестве доказательства того, что Савва Морозов погиб не от собственной руки.

Меж тем в России грянула Первая русская революция. После 9 января 1905 года Морозов подал премьер-министру С. Ю. Витте записку, в которой говорил, среди прочего, о необходимости покончить с самодержавием, а также о свободе слова, печати и союзов, всеобщем равноправии, неприкосновенности личности и жилища, обязательном школьном образовании, общественном контроле за государственным бюджетом и т. д. Савва шел на откровенную ссору с правительством, открыто высказывал свою позицию и, казалось, должен был найти поддержку у большевиков во главе с Лениным. Однако этого не случилось. Более того, фактически на морозовские деньги, с использованием той самой запрещенной литературы, которую Савва привозил на свою мануфактуру, Красин организовал в Никольском одно из самых мощных выступлений рабочих в первый период революции. И это при том, что положение рабочих морозовских мануфактур было несравнимо лучше, чем на других фабриках. Морозов отнюдь не хотел идти по стопам своего отца и пытался улучшить условия жизни своих рабочих, строил для них больницы и школы. Ничего не помогло – в итоге и он оказался «кровососом».

Тем не менее, Морозов, стремясь договориться с рабочими, задумал реформировать мануфактуры так, чтобы каждый труженик был заинтересован в успешной работе предприятия и имел свою долю в его прибыли. Он потребовал у матери права единолично распоряжаться

семейным делом, однако встретил решительный отказ. Более того, Савва был отстранен от управления Никольской мануфактурой и фактически отныне должен был полностью подчиняться воле матери.

Все эти события могли подкосить волю человека, имеющего самую железную нервную систему, а меж тем Савва Морозовым таковым не был. Его внучатый племянник К. Кривошеин так писал о Савве и его родственниках: «Третье поколение Морозовых вполне восприняло европейскую культуру, но у него уже начала проявляться, при железном здоровье, некоторая надломленность духа, часто даже странности («морозовские странности»), депрессии, неврастения, мучительные колебания при принятии самого простого решения, как, например, пойти или не пойти гулять, воображаемые недуги – все это при больших интеллектуальных способностях, врожденном барстве, утонченной воспитанности, хоть слегка смягчавшей мучительную для окружения тяжесть их характеров». Сам Морозов говорил о себе: «Одинок я очень, нет у меня никого! И есть еще одно, что меня смущает: боюсь сойти с ума. Это – знают, и этим тоже пытаются застращать меня. Семья у нас – не очень нормальна. Сумасшествия я действительно боюсь. Это – хуже смерти».

Впрочем, «надломленность» или даже «нервный срыв» – это не совсем то же самое, что и «сумасшествие». А именно в этот момент по Москве стали ползти слухи о том, что Савва Морозов сошел с ума. Причем одни источники утверждают, что исходили они от «революционных друзей» предпринимателя – Андреевой и Красина, а другие – что от семьи, недовольной попытками Морозова вести переговоры с рабочими.

В это же время становится совершенно очевидно, что Савва начал разочаровываться в большевиках. «Что творят эти анархисты, куда они ведут несчастных людей!» – так он, по утверждению некоторых современников, говорил тогда о них. И что когда Красин, главный «финагент» Ленина, приехал к Морозову в его дом на Спиридоновке в Москве, разговор у них явно не получился. Так, по крайней мере, утверждала в своих воспоминаниях законная супруга предпринимателя Зинаида Григорьевна.

* * *

Здесь мы сделаем паузу и отметим, что подавляющее большинство источников, касающихся последних дней жизни и смерти Саввы Морозова, хоть и достаточно подробны, но при этом во многом тенденциозны и придерживаются одной выбранной версии и не пытаются рассматривать другие. Наша же задача – рассмотреть загадку (как эту, так и все остальные, о которых мы расскажем в этой книге) с разных позиций и если и не полностью расставить все точки над «i», то, по крайней мере, как можно ближе подобраться к разгадке тайны.

Версия о том, что распространение информации о мнимом сумасшествии было выгодно большевикам, с одной стороны, безусловно, имеет право на жизнь. Но есть и другое мнение: «больным» Савву решила объявить семья. Из некоторых источников известно, что Морозов в феврале-марте 1905 года нередко появлялся в обществе, был вполне вменяем и не производил впечатления совсем уж подавленного человека. «Сегодня напечатано в газетах и ходит слух о том, что Савва Тимофеевич сошел с ума, – писал Константин Станиславский жене 13 апреля 1905 года. – Кажется, это неверно».

Тем не менее, по настоянию матери и жены Саввы Тимофеевича 15 апреля был созван врачебный консилиум, который констатировал у него «тяжелое общее нервное расстройство, выражавшееся то в чрезмерном возбуждении, беспокойстве, бессоннице, то в подавленном состоянии, приступах тоски и прочее». Врачи рекомендовали Савве Морозову продолжить лечение в Европе, что и было сделано. Через несколько дней в сопровождении жены и личного врача Н. Н. Селивановского Морозов уехал во Францию, сначала в Виши, потом в Канны, где остановился в гостинице «Ройаль».

Казалось, что Савва идет на поправку, он был вполне бодр и находился в нормальном расположении духа. 12 мая доктор Селивановский сделал запись в своем дневнике: «Все идет хорошо. Савва Тимофеевич уже не раздражается, спокоен. Думаю, дней через 5–6 можно уже думать о возвращении в Москву».

13 мая, по словам жены, утром Савва Тимофеевич сделал гимнастику, долго плавал, потом около часа просидел у моря. Затем зашел разговор о том, что детей надо бы отправить в Крым, к морю. После второго завтрака Морозов сказал жене: «Что-то жарко сегодня, отдохну до обеда», – и ушел в свой номер. Зинаида Григорьевна какое-то время беседовала с доктором Селивановским, а затем поднялась к себе. Здесь, сидя у зеркала, она услышала звук выстрела.

Савва Тимофеевич лежал на диване, возле него находился браунинг, а на полу – листок бумаги со словами: «В смерти моей прошу никого не винить», без подписи и даты. Вскоре прибежал доктор Селивановский. Он сразу же обратил внимание на две детали, которые затем более всего вызывали подозрение в том, что это было самоубийство: глаза Саввы Тимофеевича были закрыты, а руки сложены на животе. «Это вы закрыли ему глаза?» – спросил Селивановский у Зинаиды Григорьевны. Та отрицательно покачала головой и сказала, что видела через окно в парке убегающего мужчину…

* * *

Версия о том, что Савва Морозов не покончил жизнь самоубийством, а его на самом деле убили большевики, и сделал это лично Красин, просто не могла не появиться. И именно ее придерживаются очень многие авторы. Морозов, разочаровавшись в большевиках, отказал им в финансировании. Поначалу они через Красина пытались убедить его, когда же не получилось – прибегли к шантажу и угрозам. Савва продолжал упорствовать. И тогда «верные ленинцы» решили его устранить. Тем более что был еще один, очень веский финансовый довод – тот самый страховой полис на 100 тысяч рублей, который Морозов передал «товарищу феномену» – актрисе Марии Андреевой.

По воспоминаниям Зинаиды Григорьевны Морозовой, в конце апреля 1905 года они выехали из Берлина во Францию, в Виши. Савва Тимофеевич был бодр и весел, снова стал шутить, но тут появился Красин, который, очевидно, приехал во Францию из Лондона, где в это время как раз проходил III съезд РСДРП. Появление Леонида Борисовича явно расстроило Морозова. Зинаида Григорьевна оставила мужчин наедине, но в какой-то момент услышала обрывок разговора. «Красин что-то стал говорить, – вспоминала она, – понизив голос. Савва, упорно молчавший, вдруг взорвался: “Нет! Нет и нет! Денег для вас, милостивые государи, больше у меня нет!”». Зинаида Григорьевна вошла в комнату и предложила кофе. Было видно, что и Красин, и Савва Тимофеевич сильно взволнованы. «Трудно понять вас, Савва Тимофеевич!» – воскликнул незваный гость, отказался от кофе и, сказав, что торопится на поезд, ушел.

Вскоре Морозовы уехали в Канны, где их снова нашел Красин. Но на этот раз разговора не было – Савва Тимофеевич отказался от беседы. А через несколько дней его нашли в номере на диване с пулей в сердце…

Версия о том, что самоубийство было инсценировкой и что сделали это боевые дружины во главе с Красиным, выглядит настолько стройно и убедительно, что кажется, другого варианта развития событий и искать не надо. И все же не будем торопиться с выводами. Во всей этой стройности есть несколько моментов, на которые мы, следуя принципу беспристрастной оценки, не можем не обратить внимания. Что получали большевики, убив Морозова? Полис Андреевой? Действительно, железный довод. Но не слишком ли явную улику оставляли они против себя? И кто мог поручиться за то, что, порвав, как утверждается, отношения с революционерами, предприниматель не аннулирует свой полис? Более того, за эти деньги Андреевой пришлось судиться с вдовой Саввы. Существовала ли стопроцентная гарантия того, что

после смерти Морозова эти 100 тысяч достались бы его бывшей возлюбленной? Нет, хотя суд она в итоге выиграла и деньги получила. Впрочем, большевикам достались не все 100 тысяч, а только 60.

Как о доказанном факте говорится также и о том, что Савва отказал большевикам в финансировании. Но по большому счету, никаких достоверных доказательств этому нет. Красин якобы в феврале 1905 года приезжал к Морозову в Москву и требовал денег? Но Леонид Борисович прекрасно знал, хотя бы потому, что работал на Никольской мануфактуре, что в то время Савва был отстранен от дел своей же собственной семьей и большими суммами распоряжаться не мог. Да и зачем опытнейшему конспиратору было так светиться и приезжать домой к Морозову? Неужели не было возможности встретиться где-нибудь еще, на той же Никольской мануфактуре, где такая встреча не вызвала бы ни малейших подозрений?

Об этой встрече и о якобы имевшей место ссоре между Морозовым и Красиным известно со слов Зинаиды Морозовой. Она же, как мы помним, настояла на выезде мужа за границу. Она же была последней, кто видел Савву Морозова живым, и первой, кто обнаружил его мертвым. Она же заметила некоего убегающего человека, которого больше никто не видел. И самое главное – если большевики получили после смерти Саввы Тимофеевича 60 тысяч, то Зинаида Григорьевна, согласно завещанию, причем по так называемому духовному, нотариально не заверенному, – миллионы. Ведь Никольская мануфактура была только частью владений Саввы Морозова: в них еще входили рудники, леса, пароходы, другие фабрики и заводы и т. д. и т. п. Не остались внакладе и другие члены семьи Морозовых. Кстати, все попытки провести тщательное расследование по делу Саввы Морозова решительно пресекла его мать Мария Федоровна, которая якобы сказала: «Оставим все как есть. Скандала я не допущу».

Все это абсолютно не означает, что мы стремимся подвести читателя к выводу, что в смерти Саввы Морозова виновата его супруга или кто-либо еще из его родных. Это означает, что в этом деле есть масса вопросов, на которые сложно или вообще невозможно дать ответы. К примеру, такой. Допустим, что кто-то, например уже неоднократно упоминавшийся нами Леонид Красин, действительно задумал совершить убийство, инсценировав его как самоубийство. Но тогда зачем показывать следствию, что это инсценировка, зачем закрывать убитому глаза и складывать руки на животе? Сентиментальность? Боже упаси, большевиков можно обвинять в чем угодно, только не в сентиментальности. Поэтому напрашивается еще одна возможная версия – назовем ее «инсценировка инсценировки самоубийства». То есть кому-то было выгодно изобразить, что Савва Морозов покончил жизнь самоубийством, но сделать это так, чтобы возникли сомнения. Сомнения, которые затем удобно направить в нужное русло.

Кому был выгоден такой вариант? Охранное отделение в качестве исполнителя, а царское правительство в качестве заказчика источники упоминают очень редко. Но, собственно, почему? «Политиканствующий купец нарождается у нас. Не спеша и не очень умело он ворочает рычагами своих миллионов и ждет, что изгнившая власть Романовых свалится в руки ему, как перезревшая девка. Когда у нас вспыхнет революция, буржуазия не найдет в себе сил для сопротивления, и ее сметут как мусор» – это далеко не самые крепкие высказывания, в которых Морозов выражал свое отношение к власти. И тот факт, что он рассорился с большевиками (что, еще раз напомним, абсолютно достоверно не доказано), совсем не означает, что Савва Тимофеевич поменял свое отношение к Романовым и правительству.

«Но зачем царской охранке нужно было убивать талантливого, известного в России промышленника и мецената, в доме которого бывал и всесильный С. Ю. Витте, и великий князь Сергей Александрович, жена которого была подругой Зинаиды Григорьевны, многие известные государственные и общественные деятели России? – вопрошают авторы некоторых публикаций. – Наверное, царской охранке, если бы она поставила перед собой задачу уничтожить Морозова, интереснее было бы убийство Ульянова, Троцкого или того же Красина?!»

Мы, в свою очередь, не будем настаивать на том, что Морозова убили люди именно из Охранного отделения. Но и утверждать, что охранке была невыгодна смерть Саввы Морозова, – более чем неразумно. Для правительства в 1905 году Морозов был гораздо опаснее Ленина, Троцкого и Красина вместе взятых. Без денег, прежде всего морозовских, они были «революционными импотентами». Ленина и Красина можно было совершенно спокойно арестовать, отправить в ссылку, изолировать в эмиграции. А теперь представим, какой резонанс вызвал бы арест Саввы Морозова, как бы на это отреагировали в промышленных и купеческих кругах! Ведь Савва Тимофеевич хоть и отличался «нестандартными» взглядами (при этом, надо сказать, он был отнюдь не одинок в этом), но все же для «миллионщиков» являлся своим, одним из первых. Авторам приведенного выше высказывания также хотелось бы напомнить, что спустя шесть лет в Киеве был убит глава исполнительной власти Российской империи – Петр Аркадьевич Столыпин. Уж он-то был вхож не то что к дяде императора – встречаться с самим Николаем II ему приходилось по долгу службы. И тем не менее, существует масса убедительных доказательств того, что в Охранном отделении как минимум знали о предстоящем покушении на Столыпина, но ничего не предприняли для его предотвращения, более того, именно в охранке Дмитрий Богров получил билет в театр, где он потом и стрелял в премьера.

Еще одна версия возможного убийства Саввы Морозова, отчасти совпадающая с предыдущей, – это дело рук черносотенцев. Известно, что кроме легальных черносотенных организаций существовали и нелегальные, такие как, например, «Священные дружины», которые подозревались в организации политических убийств. То, что Морозову за его финансирование революции 1905 года не раз угрожали «справа», подтверждено не одним свидетелем.

Удивляет и официальное отношение к делу Морозова соответствующих органов Российской империи. В некоторых статьях по поводу смерти Саввы Тимофеевича можно встретить такой пассаж: «Русской жандармерии тоже было совсем не до убийства миллионера-фабриканта – шел 1905 год». Не хочется обижать авторов подобных статей, но такие утверждения не имеют ничего общего с действительностью. Русская жандармерия более чем пристально следила за миллионером-революционером, финансировавшего этот самый 1905 год и многих причастных к нему, она просто не могла оставить без внимания одного из крупнейших денежных мешков России, открыто (!) призывавшего, как минимум, к радикальному реформированию самодержавия. Однако к расследованию загадочной смерти такого человека почему-то особого интереса не проявила, быстро удовлетворившись выводами французской полиции.

А вот почему особого рвения не проявляли французские следователи, понять как раз можно. Одно дело – русский миллионер, по лишь ему одному ведомым причинам пустивший себе пулю в сердце, и совсем другое – убийство иностранного подданного на территории Французской республики. Первый вариант – личное дело семьи покойного, второй – международный скандал. И поскольку видимые признаки того, что Савва Морозов сам нажал на курок своего браунинга, были налицо, департамент полиции города Канны делает вывод – это самоубийство. Спустя сутки в мэрии Канн в присутствии свидетелей был составлен акт о смерти и дано разрешение вывезти тело «инженера Морозова» в Москву. Собственно говоря, на этом официальное расследование гибели Саввы Морозова завершилось. Его похоронили на старообрядческом Рогожском кладбище Москвы, а дело сдали в архив. Национальные же попытки раскрыть тайну гибели «мятущегося купца» предпринимались неоднократно, вплоть до сих пор. Но ни одна из них, по сути, так и не опровергла с полной достоверностью того факта, что Савва Морозов добровольно прервал свой земной путь…

* * *

60 тысяч образца 1905 года – сумма значительная, особенно если рассуждать категориями вроде тех, что в то время корова стоила три рубля. Но большевикам не нужны были

тысячи коров, им нужно было вести революционную работу. А вот с этой точки зрения 60 тысяч – не то чтобы мало, но и не «катастрофически много». Очевидно, что Ленину нужны были еще деньги, что и вынудило его и единомышленников активизировать свои поиски денежных знаков, законными, не очень и совсем не законными средствами. Этим объясняется создание Большевистского центра, усиленная «работа» экспроприаторских групп и т. д. А тут еще на горизонте замаячил гораздо больший куш, чем 60 тысяч, полученных после реализации страхового полиса Саввы Морозова.

Для начала, так сказать для затравки разговора, приведем две цитаты:

«На рассвете 26 февраля, в каземате московских Бутырок с перерезанной сонной артерией нашли труп товарища Николая Павловича Шмидта. Арестованный в декабрьские дни в связи с вооруженным восстанием, Шмидт в продолжение 14 месяцев находился в одиночном заключении, претерпевая все муки тюремного режима. Он умер, замученный жестокими преследованиями своих палачей, и на кладбище жертв российской революции выросла лишняя могила. В годовщину праздника освобождения пролетариат не забудет своих товарищей, павших в борьбе, и в их числе Николая Павловича Шмидта».

В том, что кто-либо опровергает чьи-то слова, нет, наверное, ничего удивительного. Удивительно другое – когда свои слова опровергает… сам автор. Эта заметка появилась в газете «Дело жизни» в 1907 году, в пятом ее номере. А спустя много лет ее автор, известный философ-марксист, после революции занимавший ряд ответственных постов, а в 1930 году ставший одним из первых высокопоставленных «невозвращенцев» в истории Советского Союза, написал следующее: «Моя заметка составлена в стиле и духе того времени. Что произошло в тюрьме со Шмидтом, я никакого понятия тогда не имел, помню только, что, когда моя заметка появилась, Сорин и другой меньшевик, только что вышедший из Бутырской тюрьмы (фамилию его я забыл), мне сообщили, что никаких «физических мук» тюремного режима Шмидт не испытывал, «материально», например, относительно всякой еды, находился в исключительно благоприятных условиях, имел в тюремной больнице комнату даже с комфортом, но уже с половины 1906 года был явно ненормальным».

Кто же такой Николай Павлович Шмит (мы будем придерживаться именно этого варианта написания его фамилии)? Человек, дни которого окончились в московской тюрьме, был наследником сразу двух крупнейших предпринимательских семей Российской империи. Прадед по отцовской линии Матвей Шмит, уроженец Риги, перебрался в Москву в 1817 году, построил у Арбатской площади мебельную фабрику и, удачно ведя дела, быстро разбогател. Не менее предприимчив был и его сын Александр, добившийся, среди прочего, выгоднейшего заказа на поставку мебели для вокзалов на линии Петербург – Москва. Положение и богатство позволили следующему мужчине в семействе Шмитов – Павлу Александровичу, породниться с семьей Морозовых: в конце 1880-х годов он женился на Вере Морозовой, дочери уже упоминавшегося нами Викулы Елисеевича Морозова.

Успешный ход дел и жизни семьи Шмитов в 1902 году был прерван скоропостижной смертью Павла Александровича. Девятнадцатилетнему Николаю Шмиту в этой ситуации пришлось бросить учебу на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета и переключиться на семейный бизнес. Но дабы продолжить обучение, совмещая его с делами фирмы, он нанял себе репетитора – некоего помощника присяжного поверенного М. Л. Михайлова.

Некоторые авторы полагают, что именно с этого момента Леонид Красин по согласованию с Лениным начал многоходовую операцию по привлечению Николая Шмита к «делу мировой пролетарской революции». Естественно, не в качестве, например, члена боевой дружины. Николай уже тогда был довольно обеспеченным человеком, а по достижении им 21 года должен был полностью вступить в наследство своего отца, а также получить часть паев от наследства своего деда Викулы Морозова.

Михайлов, известный в «определенных кругах» по кличке Дядя Миша, к 1902 году занимал далеко не последнее место в системе большевистского подполья, в частности, специализировался на организации нелегальных типографий, печати фальшивых документов и т. д. Как утверждает публицист Виктор Тополянский, в достаточно закрытую старообрядческую семью Шмитов – Морозовых Михайлова ввел еще один помощник присяжного поверенного А. Ф. Линк. Последний в 1902 году решением московского окружного суда был назначен опекуном над несовершеннолетним Николаем Шмитом и его сестрой Екатериной, а вскоре стал еще и репетитором их младшего брата Алексея. Как и Михайлов, Линк был связан с социал-демократами, входил в созданную Красиным систему финансового обеспечения нужд партии. Они же первыми и привили революционные идеи пылкому и даже экзальтированному юноше.

Впрочем, на этот счет есть и другое мнение. Некоторые историки полагают, что в формировании весьма сумбурных, но революционно направленных взглядов Николая Шмита главную роль сыграли не Михайлов и Линк, а Савва Морозов. Через своего знаменитого родственника Николай был представлен Горькому, а затем познакомился с московскими большевиками Леонидом Красиным, Николаем Бауманом, Виргилием Шанцером.

10 декабря 1904 года Николай Шмит вступил в права наследства. Согласно воле отца, фабрику на Пресне и принадлежавший ему мебельный магазин в Неглинном проезде следовало продать, а деньги, вырученные от реализации недвижимости, разделить поровну между четырьмя детьми. Детям в равных долях поступало в собственность и все движимое имущество, основная часть которого состояла из 8 паев «Товарищества мануфактур Викула Морозова с сыновьями».

Доверие друзьям-большевикам было полным – после событий января 1905 года Николай Шмит регулярно передает РСДРП крупные суммы, в частности 20 тысяч Красину на закупку оружия, затем еще 15 – на издание газеты «Новая жизнь». Всего за год, по данным полиции, Шмит роздал до 140 тысяч рублей.

Николай не очень разбирался в том, как правильно управлять предприятием, но это, по большому счету, ему было не очень нужно. Знаменитая мебельная фабрика быстро превращается в «чертово гнездо», как стали ее называть в полиции. По совету Красина и Баумана, он принял на работу слесарями большевиков Михайлова и Карасева. В цехах они не появлялись, но немалое жалованье исправно получали. Старые рабочие во главе с мастером Блюменау выразили свое недовольство, после чего было созвано общефабричное собрание, на котором многих из недовольных объявили «агентами полиции» и «коллективным решением коллег» уволили. Из Англии пришло новое оборудование, но устанавливать его не спешили. Зато прямо на фабричном дворе молодые рабочие под руководством Михайлова и Карасева учились бросать муляжи бомб.

В сентябре 1905 года натренированные «шмитовцы» впервые перешли к активным действиям. Чтобы привлечь к забастовкам и железнодорожников, группа во главе с Михайловым должна была устроить ночное крушение товарного поезда недалеко от станции «Кунцево». Боевики должны были остановить поезд красным фонарем и, «изолировав» машинистов, пустить вагоны под откос. Однако что-то пошло не по плану, поезд не остановился, и «шмитовцы» «ограничились» обстрелом вагонов.

Издание 17 октября царского манифеста, объявлявшего о создании Государственной думы, несколько снизило накал забастовочного движения. Взяли паузу и левые силы. Но не надолго. В начале декабря 1905 года силы, добивавшиеся свержения монархии, объявили о начале всеобщей забастовки и вооруженного восстания.

В те дни на улицах действовало до 1500 вооруженных боевиков, среди которых «шмитовцы», отличавшиеся высоким уровнем подготовки, составляли до 20 %. Орудовали они в основном в районе Пресни и Садово-Кудринской. Центральные районы города с каждым днем покрывались все новыми и новыми баррикадами. 13 декабря московский генерал-губернатор

Ф. В. Дубасов ввел в Москве комендантский час и обратился за помощью в Санкт-Петербург. В ответ из столицы были направлены две тысячи солдат и офицеров лейб-гвардии Семеновского полка во главе с полковниками Г. А. Мином и Н. К. Риманом.

Постепенно кольцо вокруг мятежников сжималось. Фабрика Шмита превратилась в главный опорный пункт повстанцев. 16 декабря правительственные войска полностью блокировали Пресню и район фабрики. В тот же день штаб восстания (кстати, в нем принимали участие не только большевики, но также меньшевики и эсеры) отдал приказ о прекращении вооруженного сопротивления, всем боевикам надлежало в ночь на 17 декабря спрятать оружие и незаметно рассредоточиться. Но еще вечером 16 декабря командиру лейб-гвардии семеновцев Мину была поставлена боевая задача: «Окружить весь Пресненский квартал с Прохоровской (Трехгорной. – *Авт.*) мануфактурой и с помощью бомбардировки последней заставить мятежников, предполагавшихся на фабрике и в квартале искать себе спасение бегством, и в это время беспощадно уничтожать их».

Все это время Шмит вместе с двумя младшими сестрами координировал действия своих боевых дружин, рассылая распечатанные на гектографе указания и прокламации. В целях конспирации они находились не в своем особняке, а на съемной квартире на Новинском бульваре. Тем не менее, полиция узнала о его местонахождении. Ранним утром 17 декабря усиленный драгунами полицейский отряд окружил дом на Новинском бульваре. Шмит, не оказавший при задержании сопротивления, был препровожден в Пресненский полицейский участок.

Что же произошло дальше? В этом официальные документы тех лет и свидетельства очевидцев разнятся. Согласно полицейским данным, через три часа после задержания, около семи часов утра, полковник Мин провел первый допрос Николая Шмита. Мин предъявил ультиматум: либо Шмит отдает приказ своим рабочим сдаться, либо фабрика будет разрушена, а все, оказавшие сопротивление, – уничтожены. Юный революционер-фабрикант якобы согласился, но только при условии собственного освобождения. Сам же Шмит рассказывал об этом так: «Меня отвезли в Пресненскую часть, вместо губернской тюрьмы, и там мне заявили, что фабрика будет уничтожена, если рабочие не выдадут оружие, предложив мне написать записку на имя рабочих. Я написал эту записку, а потом вскоре услышал канонаду».

Действительно, когда Шмит находился в полиции, Семеновский полк при поддержке артиллерии атаковал «чертово гнездо». Снаряды попали в склад, где хранились приготовленные революционерами бомбы, фабрика загорелась. К трем часам дня воскресенья 17 декабря правительственные войска взяли приступом девять домов, где держали оборону восставшие.

В результате артиллерийского обстрела и пожаров полностью сгорели склады с готовой продукцией (стоимостью до 100 тысяч рублей), оборудованием и лесоматериалами, контора и особняк Шмитов. Потери правительственных сил составили 36 полицейских, 28 солдат и 14 дворников. Жертвами боев среди гражданского населения стали около 980 человек, в том числе 137 женщин и 86 детей. Из 700 с лишним убитых тогда мужчин около половины составили члены боевых дружин, включая примерно 15 «шмитовцев».

К вечеру воскресенья сопротивление было окончательно сломлено. Однако уже на следующий день боевики дважды атаковали Пресненский участок, стремясь освободить Шмита, но безрезультатно. На следующий день его вывезли в Петровский парк, где у него на глазах расстреляли нескольких захваченных рабочих-боевиков. Здесь, согласно докладным запискам Мина, Шмит и сломался, дал детальные показания об известных ему активных участниках восстания и просил отпустить его, так как уже «наказан убытком имуществу в 400 тысяч рублей» в результате разрушения фабрики и другого имущества. Но, опять же, сам Николай сообщал из тюрьмы, что он признался в помощи революционерам, однако никаких конкретных сведений полиции не давал.

Ближе к новому году Шмита перевели в Таганскую тюрьму, а 15 января 1906 года он оказался в Бутырском замке. Здесь на первом же допросе он отказался от показаний, данных

ранее, и заявил: «…во время вооруженного восстания я никакого активного участия не принимал, с оружием не ходил, баррикад не строил, дружинниками не заведовал и никаких распоряжений насчет их деятельности не делал». Но уже спустя два дня Шмит снова сотрудничает со следствием: он назвал нескольких организаторов вооруженного восстания и признал себя виновным в регулярном выделении средств на нелегальные издания и покупку оружия для боевых дружин. Очевидно, юноше 22 лет от роду ясно дали понять, что церемониться с ним не будут, и вместо «царства социальной справедливости» его вполне может ожидать смертная казнь. Впрочем, по ходу следствия Николай несколько раз то отказывался от своих показаний, то вновь подтверждал их.

Все время, пока Шмит находился в Бутырках, младшие сестры добивались его освобождения под залог. Не оставляли без внимания дело Шмита и большевики. Что ими двигало – желание помочь попавшему в беду товарищу или стремление спасти «спонсора»? Однозначно сказать трудно, но, учитывая, как развивались события дальше, более вероятен все же второй вариант. Так или иначе, но по рекомендации Красина к делу Шмита в качестве официального защитника подключился присяжный поверенный Н. П. Малянтович – опытный правовед, связанный с рядом социал-демократических организаций.

В конце февраля 1906 года Николай Шмит выдал доверенность на управление всеми своими делами и принадлежащим ему имуществом сестре Екатерине, лишь на днях достигшей совершеннолетия. Сразу же после этого в качестве «партийного опекуна» возле девушки оказывается некто Н. А. Андриканис – кроме прочего, член финансовой комиссии московского комитета РСДРП. Вскоре Андриканис и Екатерина Шмит вступили в гражданский брак.

Объединив усилия, родственники Шмита, Малянтович и Андриканис начали забрасывать прошениями и жалобами различные инстанции, настаивая на изменении меры пресечения или хотя бы на переводе заключенного в тюремную больницу ввиду ухудшающегося состояния здоровья. Однако Московская судебная палата неизменно оставляла эти бумаги без внимания. Впрочем, и следствие шло отнюдь не так, как бы того хотелось. Дело в том, что Николай Шмит проходил по статье 100 Уголовного уложения Российской империи. Статья эта была «расстрельной», но при этом требовала «сознаваемого и волимого учинения мятежнического деяния, предпринятого для ниспровержения существующего государственного строя». А с этим были проблемы. Шмит снова вернулся к тактике «не видел, не знаю», а с вещественными доказательствами по делу вообще вышла странная история: в мае 1906 года выяснилось, что все найденное на фабрике Шмита оружие, в основном обгоревшее, было давно уничтожено по приказу московского градоначальника.

Летом 1906 года защита Шмита наконец добилась своего – была проведена врачебная экспертиза заключенного, выявившая у него целый букет заболеваний, в том числе и расстройства психики. 28 июля он был помещен в Московскую тюремную больницу, где пробыл ровно три месяца. Здесь Николая трижды обследовал официальный консультант больницы П. Б. Ганнушкин, оставивший в его деле следующую запись: «На основании личного исследования больного (при исследовании обнаружена наличность стойких бредовых идей преследования, величия, изобретения, наличность галлюцинаций слуха, зрения, осязания) считаю возможным подтвердить в данном случае диагноз хронической паранойи, того ее подвида, который известен под именем paranoia originaria Sander (тип Зандера. – *Авт.*)». Осматривал Шмита и знаменитый профессор Сербский, выводы которого в целом совпадали с заключением молодого коллеги: «…в связи с расстройством душевной деятельности пациент не мог понимать свойства и значения им совершенного и руководить своими поступками; он был и остается невменяемым и недееспособным».

12 февраля Николай был извещен, что через три дня Московская судебная палата должна рассмотреть его дело и отпустить его на поруки. Ночью следующего дня, а точнее около 4 часов утра, он попросил у надзирателя кружку воды и новую свечу вместо догоревшей. А спустя

два часа, при утреннем обходе, было обнаружено бездыханное тело заключенного Николая Шмита…

Следователь, срочно вызванный в Бутырки, при осмотре окна установил, что нижнее звено зимней рамы и соответствующее ему звено летней рамы выдавлены изнутри кнаружи. Чтобы выдавить стекла, заключенный использовал одеяло, на котором было обнаружено несколько свежих порезов. Завернув осколки стекла в полотенце и платок, он порезал себе левое предплечье и сосуды шеи и скончался от обильного кровотечения.

Судебно-медицинская экспертиза, проведенная в присутствии родственников погибшего заведующим кафедрой судебной медицины Московского университета П. А. Минаковым, установила, что раны нанесены не острым орудием, а зазубренным предметом в виде осколка стекла. Каких-либо признаков, характерных для самообороны, Минаков не обнаружил и поэтому определил случившееся как самоубийство.

Похороны Николая Шмита прошли 16 февраля на Преображенском кладбище. Они были достаточно многолюдными, но какой-либо «большой политической манифестации», как любили утверждать советские источники, на самом деле не было, погребение прошло без значительных эксцессов.

* * *

Естественно, что такая развязка дела Николая Шмита не могла не вызвать соблазна обвинить кого-либо в злонамеренных кознях и представить ситуацию иначе, чем это было сделано официальным полицейским расследованием и судебно-медицинской экспертизой.

Первая альтернативная версия и, пожалуй, в настоящее время самая популярная – Шмита убили большевики. Очень категоричен в этом смысле Юрий Фельштинский: «Не нужно обладать повышенной проницательностью, чтобы догадаться, что Шмидта зарезала не тюремная администрация, готовая выпустить его на поруки, а люди, подосланные большевиками, уже имевшими в своем распоряжении подлинное или подложное завещание Шмидта (превращающееся в реальные деньги только в случае его смерти). В смерти Шмидта большевики были заинтересованы еще и потому, что Шмидт начал выдавать своих сообщников».

Если бы руководство большевиков приняло решение об устранении Николая Шмита, то можно не сомневаться – никакие моральные и иные принципы их бы не остановили. Но вполне логично отвечая на вопрос «зачем?», Ю. Фельштинский не утруждает себя ответом на вопрос «как?». Большевики по части политических убийств действительно были способны на многое, но не стоит превращать их во всемогущих демонов, способных, по словам Виктора Тополянского, «проходить сквозь стены и пользоваться осколком стекла вместо холодного оружия».

Предположим, что кто-то задумал «устранить» Николая Шмита, причем сделать это именно в тюрьме. Напомним, что речь идет об одном из самых опасных с точки зрения власти подозреваемых в политических преступлениях и о самой охраняемой тюрьме империи. Возможно ли в таких условиях организовать убийство? Мы не станем однозначно отбрасывать эту версию как невозможную в принципе, но, безусловно, в практическом плане ее осуществление выглядит очень сложным. Да и зачем Шмита убивать в тюрьме, если это же значительно проще можно сделать спустя всего несколько дней, когда он будет на свободе? Конечно, убийство в стенах Бутырки выглядит «эффектнее», но «перевести стрелки» на охранку несложно было в любом случае. Ко всему прочему, не будем забывать и о заключении судебно-медицинской экспертизы, которая не обнаружила на теле Николая Шмита каких-либо признаков борьбы.

Вторая версия – совершенно противоположная: Шмит был убит охранкой либо уголовниками при попустительстве надзирателей по приказу царских властей. Об этом, в частности, писала Надежда Крупская: «Двадцатитрехлетний Николай Павлович Шмидт, племянник Морозова, владелец мебельной фабрики в Москве на Пресне… был арестован, его всячески

мучили в тюрьме, возили смотреть, что сделали с его фабрикой, возили смотреть убитых рабочих, потом зарезали его в тюрьме». Большая советская энциклопедия, правда, менее категорична: «…В разгар декабрьского восстания Шмидт был арестован и подвергнут пыткам… 13/26/II 1907 (после года с лишним одиночного заключения) Шмидт был найден мертвым в камере тюремной больницы (по одной версии, он был зарезан тюремной администрацией, по другой – покончил самоубийством)».

В этом случае не стоит вопрос «как?» (у тюремной администрации, конечно, были возможности не просто убить Шмита, но и инсценировать его самоубийство), зато не совсем понятны мотивы. Большевики утверждали, что Шмит, выйдя на свободу, может поведать миру, с помощью того же Максима Горького, «о беззаконии, царящем в тюрьмах, жестокости царских карателей» и т. д. Возникает вопрос: насколько интересно это было миру? Большевики, да и не только они, и без того немало говорили повсюду о преступлениях царизма, используя как действительно правдивые факты, так и откровенную ложь. Так был ли настолько велик смысл убивать Шмита, при этом неминуемо навлекая на себя подозрения в этом?

Что же касается пыток, то здесь следует проводить разграничение между пытками физическими и пытками моральными. Вряд ли Шмита подвергали такой же «обработке», как это было позже заведено «обличителями царских карателей» в тюрьмах ГУЛАГа. Шмит все же был представителем влиятельнейшего предпринимательского семейства, к его делу постоянно был прикован немалый интерес общества. А вот по поводу моральных издевательств все не так однозначно. В этом плане очень показательно открытое письмо профессора Сербского, опубликованное им в московских газетах вскоре после гибели Николая Шмита.

«Трагическая смерть фабриканта Н. Шмита, покончившего самоубийством в одиночной камере Бутырской тюрьмы, заставляет меня обратиться к Московской судебной палате за некоторыми разъяснениями.

Н. Шмит неоднократно подвергался врачебной экспертизе; в последний раз он был освидетельствован 10 ноября 1906 года… Болезнь Н. Шмита была так характерна и резко выражена (paranoia originaria Sander), что я охотно принял бы его в психиатрическую клинику для ознакомления своих слушателей с этой типичной формой психического расстройства.

Я желал бы получить ответ, зачем суд приглашает врачей-экспертов, если сами судебные деятели считают себя более компетентными в разрешении чисто медицинского вопроса, имеют ли они дело с больным или здоровым человеком, и не будет ли в таком случае только последовательным, если министерство юстиции возбудит ходатайство о замене в психиатрических больницах всех врачей лицами судебного ведомства, как более опытными в распознавании душевных болезней. В частности, я желал бы получить от Московской судебной палаты ответ, на каком основании (конечно, не юридическом, а нравственном) она, вопреки категорически заявленному мнению врачей, отправила Н. Шмита не в больницу, а подвергла его снова одиночному заключению, и не считает ли она себя непосредственно виноватой (опять, конечно, только нравственно) в этой ужасной смерти?»

В этих словах знаменитого психиатра, очевидно, и кроется ответ на вопрос, что же именно случилось ранним утром 13 февраля 1907 года. Не было ни таинственных большевиков-убийц, ни жестоких карателей из охранки. Был насильно помещенный в полное одиночество молодой человек с явными психическими расстройствами, запутавшийся как в людях, его окружавших, так и в собственных мыслях, который, в итоге, и принял последнее решение в своей жизни…

* * *

Смерть Николая Шмита еще долго была предметом разговоров у публики и доходным материалом для газетчиков. Но людей, скажем так, заинтересованных волновало уже другое –

судьба наследства неудачливого предпринимателя-революционера. За два года Шмит потерял очень много, но немало еще осталось – 166 паев «Товарищества мануфактур Викула Морозова с сыновьями» минимальной стоимостью одна тысяча рублей за пай и другие активы.

Важный момент: различные источники утверждают, что, во-первых, Николай Шмит был большевиком, а во-вторых, что он завещал свое имущество большевикам. Ни то ни другое не соответствует действительности. Шмит помогал большевикам, однако не только им, но и другим организациям радикального толка, и при этом не был действующим членом какой-либо из них. Это раз. А два – он никогда напрямую не отписывал свое имущество большевикам.

Имущество Шмита в долях, соответствующих закону, должны были наследовать совершеннолетняя сестра Екатерина и несовершеннолетние Елизавета (18 лет) и Алексей (15 лет). Соответственно, дабы имущество перешло в руки большевиков, было необходимо, что все эти три лица (уже обеспеченные наследством от их отца) этого захотели.

Вот тут и началась изобилующая загадочными моментами «матримониально-финансовая» операция по направлению наследства Николая Шмита в «нужные руки». Мы уже упоминали о том, что во время декабрьского вооруженного восстания сестры Николая Шмита принимали активное участие в организации действий боевых групп, а затем всеми силами добивались освобождения брата из тюрьмы. Казалось бы, Екатерина и Елизавета были для большевиков «своими» и проблем с наследством не должно было возникнуть. Но все было не так просто.

«Тем-то он и хорош, что ни перед чем не остановится. Вот, вы, скажите прямо, могли бы за деньги пойти на содержание к богатой купчихе? Нет? И я не пошел бы, не мог бы себя пересилить. А Виктор пошел… Это человек незаменимый». Так Ленин однажды отреагировал на замечание известного социал-демократа Н. А. Рожкова, охарактеризовавшего одного члена РСДРП как «прожженного негодяя». Этот человек – Виктор Таратута, ставший одним из доверенных лиц Ленина в том, что касалось финансового снабжения его партии (кстати, после 1917 года Таратута руководил несколькими финансовыми учреждениями, в том числе и Внешторгбанком).

С ноября 1905 года Таратута, бежавший из кавказской ссылки, стал секретарем московского комитета фракции большевиков, заведовал в комитете финансами и типографией. Вскоре несколько видных большевиков обвинили его в том, что он является провокатором и агентом полиции. Но несмотря на это, Таратута по-прежнему пользовался доверием Ленина. Весной 1907 года на съезде РСДРП в Лондоне вождь большевиков настоял на том, чтобы Таратуту избрали кандидатом в члены ЦК партии. Это был первый в истории социал-демократов случай, когда человек, подозреваемый в связях с полицией, получил столь высокое место в партийной иерархии. Так что совершенно очевидно, насколько важное место Ленин отводил Таратуте в своих планах и замыслах.

Как позже выяснилось, Таратута провокатором не был и своих товарищей по партии охранке не сдавал. Что, впрочем, отнюдь не означало, что с точки зрения моральных принципов он был эталоном для подражания, скорее, он был подтверждением известного ленинского принципа, что «партия не пансион для благородных девиц».

Весной 1907 года в Выборге состоялась встреча Ленина, Красина и Таратуты с юным Алексеем Шмитом и его адвокатами. Стороны спокойно обсуждали вопросы, как вдруг Таратута резко встал и резким голосом сказал: «Кто будет задерживать деньги, того мы устраним». Ленин, что-то пробормотав, дернул его за рукав, а петербургские адвокаты были в замешательстве. Спустя несколько дней после встречи адвокаты сообщили, что Алексей Шмит отказывается от своих прав на наследство в пользу сестер.

Такая «настойчивость» Таратуты, откровенные угрозы в адрес 15-летнего юноши смутили даже Ленина, который, как мы знаем, в вопросах получения денег для нужд партии мало перед чем останавливался. Впрочем, это не означало, что он исключил Таратуту из своих пла-

нов, наоборот, именно «товарищу Виктору» предстояло сыграть решающую роль в реализации наследства Николая Шмита.

К тому моменту Ленин уже знал, что Елизавета Шмит, особа свободолюбивая и романтичная, была влюблена в Таратуту. Именно это и нужно было Большевистскому центру. Младшая из сестер Шмит еще не могла самостоятельно распоряжаться наследством, но могла выйти замуж и передать право распоряжаться деньгами своему супругу. Однако Таратута, находившийся на нелегальном положении, не мог просто так «материализоваться» и вступить в законный брак. Тогда была придумана комбинация с фиктивным браком – Елизавета вышла замуж за «легального» большевика Александра Игнатьева, передала ему права на наследство, а тот, в свою очередь, отдал деньги Большевистскому центру. Произошло это 24 октября 1908 года в Париже, в церкви при русском посольстве.

Казалось, что теперь все проблемы с передачей наследства Николая Шмита в кассу Большевистского центра улажены – согласие младшего брата и его адвокатов, пусть и путем откровенно бандитского «наезда», получено, удалась и операция с фиктивным браком младшей сестры. При старшей же уже давно был «верный большевик» Андриканис, в 1907 году сочетавшийся с Екатериной законным браком. Но тут произошла непредвиденная осечка – то ли парижский воздух сказался, то ли еще какие причины, но Андриканис решил, что совершенно необязательно отдавать деньги партии.

Некоторое время его не трогали, он по-прежнему входил в парижскую группу большевиков-ленинцев, исправно посещал их собрания. Возможно, руководители Большевистского центра считали, что Андриканис одумается, или же просто были заняты какими-то другими делами, например реализацией имущества младшей сестры Шмит. Но Андриканис с деньгами расставаться не собирался, и тогда осенью 1908 года Большевистский центр перешел к активным действиям. Метод решили использовать уже проверенный – Виктор Таратута стал откровенно угрожать Андриканису расправой.

В отличие от адвокатов младшего Шмита, Андриканис «впадать в замешательство» не стал и, как было принято в те времена в подобных случаях, обратился в так называемый Межпартийный суд, возглавляемый видным деятелем партии эсеров М. А. Натансоном. Согласно решению суда, Андриканис должен был отдать деньги, но не все, а около половины. Муж Екатерины Шмит решение выполнил. Однако вскоре со стороны Таратуты снова зазвучали новые угрозы – «товарищ Виктор», очевидно, с благословления руководителей Большевистского центра, явно не желал оставлять Андриканису немалую сумму. Андриканис снова молчать не стал и обратился с жалобой в ЦК РСДРП.

Здесь уже руководители Центра не стали делать вид, что это дело их никоим образом не касается. «Мы заявляем, что все дело Z. (так в партийных документах с целью конспирации «обозначался» Андриканис. – *Авт.*) тов. Виктор вел вместе с нами, по нашему поручению, под нашим контролем. Мы целиком отвечаем за это дело все и протестуем против попыток выделить по этому делу тов. Виктора». Вскоре Андриканис фактически отказался от своих претензий. Поскольку этот конфликт уже вышел наружу, то здесь, очевидно, речь шла не об угрозах, а о договоренности между Андриканисом и руководителями Большевистского центра. Отчасти подтверждение этому можно найти в книге Каменева «Две партии», которая фактически стала ответом большевиков на обвинения в присвоении денег Николая Шмита: «Нам оставалось либо отказаться от всякой надежды получить что-либо, отказавшись от такого суда, либо согласиться на состав суда не из социал-демократов. Мы избрали последнее, оговорив только ввиду конспиративного характера дела, что суд должен быть по составу «не правее беспартийных левых». По приговору этого суда мы получили максимум того, чего вообще суд мог добиться от Андриканиса. Суду пришлось считаться с размерами тех юридических гарантий, которые удалось получить от Андриканиса до суда. Все-таки за Андриканисом осталась львиная доля имущества».

Сколько же всего денег досталось большевикам? Очевидно, что точные суммы могли знать лишь руководители Большевистского центра, возможно, только члены «большой тройки». Во многих источниках указывается цифра 280 тысяч рублей, хотя называются и гораздо большие суммы. Но все ли они попали к большевикам? Дело в том, что РСДРП в те времена представляла собой пусть и расколотую, но формально единую партию. С точки зрения деятельности Большевистского центра и наследства Николая Шмита – момент очень важный. Когда не афишируемая финансовая деятельность большевиков стала известна другим членам партии, то она, по вполне понятным причинам, вызвала их, мягко говоря, недоумение. Да, именно большевики «завербовали» в ряды сочувствующих Николая Шмита и его сестер. Но при этом, еще раз повторимся, нигде не было сказано, что Шмит передает свое состояние Ленину и иже с ним. То есть имущество должно принадлежать не одной фракции, а партии в целом.

В этих условиях Ленин начал жесткую борьбу за единоличную власть в своей фракции. В июне 1909 года на совещании расширенной редакции газеты «Пролетарий» в Париже из нее были исключены «отзовисты» во главе с Богдановым (названы так за требования отозвать депутатов от социал-демократов из Государственной думы). Богданов совместно с В. Л. Шанцером пишет заявление в расширенную редакцию «Пролетария», которое завершается словами: «Финансовая политика Большевистского центра имеет явно характер не партийно-коллегиальной, а мелкокружковой политики. Такое положение не терпимо долее». Но сути дела это не меняет – Ленин избавился и от идейного противника, и, что более важно, от человека, с которым он еще недавно контролировал финансовую деятельность фракции.

В январе 1910 года была предпринята последняя, как выяснилось позже, попытка примирения большевиков и меньшевиков. Одними из условий такого примирения было требование упразднить Большевистский центр и прекратить публикацию фракционных (то есть не общепартийных) изданий. И Ленин идет на это, несмотря на то что судьба «шмитовских» денег опять оказалась под вопросом. Одним из условий примирения было также объединение фракционных касс, именно поэтому большевики обязались передать видным деятелям международного социал-демократического движения К. Каутскому, Ф. Мерингу и К. Цеткин большую часть «заработанных» на Шмите и иных операциях денег. Как писал Николай Вольский-Валентинов, «держателям» русских социал-демократических денег «было предоставлено право решать вопрос о выдаче и невыдаче денег и кому именно. В случае нарушений условий объединительного договора «держатели» были уполномочены решить вопрос о дальнейшей судьбе порученного им имущества, опираясь на постановление пленума Центрального комитета, специально для сего созываемого».

Однако в том же 1910 году Ленин снова порывает с меньшевиками. Естественно, встал вопрос и о деньгах, находившихся у «держателей». Видимо, непрекращающиеся склоки в РСДРП заставили Карла Каутского, а затем и Франца Меринга отказаться от роли «третейских судей». Единственной «держательницей» осталась Клара Цеткин.

Судьба этих денег – еще одна загадка, окружающая «финансовую» историю РСДРП – ВКП(б) – КПСС. В примечаниях к Полному собранию сочинений Ленина можно прочитать, что «борьба вокруг большевистского имущества затянулась вплоть до империалистической войны». Имелись ли в виду деньги, оставленные «держателям»? Очевидно, да. Но так же очевидно, что к Кларе Цеткин, единственной «держательнице» после 1912 года, в уже Советской России относились с большим почтением, здесь же, в знаменитом подмосковном селе Архангельское, Цеткин и умерла своей смертью в 1933 году. И это с большой долей уверенности позволяет сделать вывод: деньги, полученные от наследства Николая Шмита, вернулись большевикам.

* * *

Имущество, принадлежавшее представителям семьи Морозовых, и экспроприации – значительный, но далеко не единственный источник пополнения большевистской кассы. В 1906 году, например, уже упоминавшиеся нами гражданские супруги Максим Горький и Мария Андреева отправились в США собирать пожертвования на «дело революции». Еще до создания Большевистского центра российских социал-демократов субсидировало японское правительство.

Какое-то время, очевидно, финансовое положение большевиков было, как минимум, стабильным. Но, как свидетельствуют источники, накануне Февральской революции 1917 года дела их оказались плачевными. Начальник петербургского охранного отделения Константин Глобачев отмечал в своем докладе: «Денежные средства их (большевиков) организаций незначительны, что едва ли имело бы место в случае получения немецкой помощи». И вдруг все меняется. Партия, насчитывающая около 25 человек, плативших в среднем по полтора рубля ежемесячных взносов, резко увеличивает свои траты. Например, в период между двумя революциями ЦК РСДРП(б) приобрел собственную типографию, в десятки, если не в сотни раз возросли тиражи партийных газет.

Очевидно, что большевики получили значительные вливания. Но откуда они могли прийти? Времена «филантропов-революционеров» вроде Саввы Морозова и Николая Шмита уже прошли, значит тот, кто давал деньги большевикам, был в них заинтересован, имел близкие с ними цели и задачи.

Даже те, кто и поныне отрицает любую связь Ленина и его соратников с «немецкими деньгами», вряд ли будут отрицать общность целей, вставших с началом Первой мировой войны перед германским правительством и русскими большевиками. Германия была заинтересована в поражении Российской империи, потрясениях, которые могли бы развалить ее изнутри. У Ленина, по сути, были похожие цели: развал империи, революционная ситуация, собственно революция и, как следствие, приход к власти. Но была ли эта схожесть целей и взаимная заинтересованность исключительно «платонической»?

Начиная войну, любое государство обычно надеется на победоносное ее завершение. Так было и в случае с кайзеровской Германией, которая, используя в качестве повода выстрел Гаврилы Принципа в Сараево, решила по-своему подключиться к разделу мира и «поставить на место» Францию, Великобританию и их союзников, в том числе и Россию. Однако победоносность настроений достаточно быстро улетучилась, по крайней мере, у тех, кто отчетливо понимал истинное положение дел. Уже в конце 1914 года заместитель министра иностранных дел Циммерман в секретном меморандуме, написанном для сотрудников МИДа, писал следующее: «Целью нашей политики, безусловно, должно стать окончание проводимой в настоящее время с огромными жертвами войны миром, который будет не только прочным, но и длительным. Чтобы добиться достижения этой цели, как я считаю, было бы желательно вбить клин между нашими врагами и как можно быстрее прийти к сепаратному миру с одним или другим противником».

Позиция очевидная – выход из войны одного из членов Антанты значительно повысил бы шансы Германии на выгодный для нее мир. Но куда именно вбивать клин? Были проработаны несколько направлений, в том числе и российское. Однако Российская империя, с неохотой вступавшая в войну, теперь была намерена ее продолжать – свое дело сделали военные успехи в Галиции, а также огромные займы, вливаемые в российскую экономику союзниками по Антанте.

Именно в этот момент германский МИД получил от своего посла в Константинополе фон Вангенхайма сообщение следующего содержания.

«ЗАМЕСТИТЕЛЬ
СТАТС-СЕКРЕТАРЯ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ —
СТАТС-СЕКРЕТАРЮ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
(в Ставку)

Берлин, 9 января 1915 г. Имперский посол в Константинополе прислал телеграмму за № 76 следующего содержания: «Известный русский социалист и публицист д-р Гельфанд, один из лидеров последней русской революции, который эмигрировал из России и которого несколько раз высылали из Германии, последнее время много пишет здесь, главным образом, по вопросам турецкой экономики. С начала войны Парвус занимает явно прогерманскую позицию. Он помогает д-ру Циммеру в его поддержке украинского движения, а также сделал немало полезного в деле основания газеты Бацариса в Бухаресте. В разговоре со мной, устроенном по его просьбе Циммером, Парвус сказал, что русские демократы могут достичь своих целей только путем полного уничтожения царизма и разделения России на более мелкие государства. С другой стороны, Германия тоже не добьется полного успеха, если не разжечь в России настоящую революцию. Но и после войны Россия будет представлять собой опасность для Германии, если только не раздробить Российскую империю на отдельные части. Следовательно, интересы Германии совпадают с интересами русских революционеров, которые уже ведут активную борьбу. Правда, отдельные фракции разобщены, между ними существует несогласованность. Меньшевики еще не объединились с большевиками, которые, между тем, уже приступили к действиям. Парвус видит свою задачу в объединении сил и организации широкого революционного подъема. Для этого необходимо прежде всего созвать съезд руководителей движения – возможно, в Женеве. Он готов предпринять первые шаги в этом направлении, но ему понадобятся немалые деньги. Поэтому он просит дать ему возможность представить его планы в Берлине. Он, в частности, убежден, что если издать некий имперский циркуляр, который пообещает немецким социал-демократам в награду за патриотическое поведение немедленное усовершенствование начальных школ и сокращение рабочего дня, то это окажет существенное влияние не только на немецких социалистов, служащих в армии, но и на русских, придерживающихся тех же политических взглядов, что и Парвус. Сегодня же Парвус уехал через Софию и Бухарест в Вену, где он встретится с русскими революционерами. Д-р Циммер прибудет в Берлин одновременно с Парвусом и сможет организовать необходимые встречи с ним. По мнению Парвуса, действовать следует быстро, чтобы русские новобранцы прибывали на фронт уже «зараженными» революционным микробом.

Вангенхайм». Было бы желательно, чтобы статс-секретарь иностранных дел принял Парвуса».

Чтобы быть достоверным, любое историческое расследование, должно опираться на документы. И в этом плане нам следует поблагодарить немецкий педантизм и привычку к документам относиться бережно. Именно они позволяют сейчас делать не умозрительные заключения, а точные выводы. Например, следующий документ ясно дает понять, что в МИДе сообщением Вангенхайма как минимум заинтересовались.

«СТАТС-СЕКРЕТАРЬ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ —
В МИД ГЕРМАНИИ
Телеграмма № 40, Ставка, 13 января 1915 г., 12.20

Получено: 13 января, 1.43

Мы намерены послать Рицлера на встречу с русским революционером Парвусом в Берлине. Он будет иметь подробные инструкции. Прошу телеграфировать время прибытия Парвуса. Парвус не должен знать, что Рицлер прибывает из Ставки.

Ягов».

Помимо того, что статс-секретарь Министерства иностранных дел Германии Готтлиб фон Ягов отрядил на встречу с «русским революционером» высокопоставленного чиновника МИДа Курта Рицлера, входившего в свиту самого кайзера, он еще и распорядился навести справки насчет того, кто же такой Гельфанд-Парвус. Вполне естественно, что и мы остановимся на биографии человека, который был одним из самых главных персонажей истории о «немецком золоте на русскую революцию».

* * *

Итак, Александр Лазаревич Гельфанд родился 27 августа 1867 года в местечке Березино Минской губернии в семье еврейского ремесленника. После очередного погрома семья Гельфанд перебралась в Одессу. Отец устроился в порт грузчиком, сын же стал грызть гранит науки. И довольно успешно – мальчик из бедной семьи сумел окончить гимназию, после чего в 1885 году уехал в Швейцарию и поступил в Базельский университет, где изучал философию.

Отсутствие у юного Александра Гельфанда любви к царской власти более чем объяснимо – благословляемые сверху погромы, ценз оседлости и прочие антисемитские вещи вполне логично привели его к революционным идеям. Еще в Одессе он познакомился с членами народовольческих кружков, а за границей сблизился с группой «Освобождение труда», возглавляемой Плехановым, Аксельродом и Верой Засулич.

После окончания в 1891 году университета Гельфанд переехал в Германию. Здесь он вступил в Немецкую социал-демократическую партию, познакомился с Каутским, Цеткин, Розой Люксембург. Вскоре «нежелательным иностранцем» заинтересовалась немецкая полиция, и ему приходилось постоянно переезжать из города в город. В 1894 году в социал-демократической газете «Die Neue Zeit» впервые появился псевдоним Парвус – так Александр Гельфанд подписал одну из своих первых опубликованных статей. В переводе с латыни «parvus» означает «смиренный» или же «ребенок». Но ни смиренным, ни ребенком Гельфанд-Парвус никогда не был. Когда он в 1897 году стал редактором «Саксонской рабочей газеты», резкий тон ее высказываний вызывал неприятие даже среди занимавших левые позиции социал-демократов. Впрочем, это не помешало выдвижению Парвуса в качестве одного из самых известных марксистских теоретиков и публицистов, особенно этому способствовала его полемика с критиком учения Маркса Эдуардом Бернштейном.

С конца 1890-х годов квартира Парвуса в Мюнхене стала центром притяжения не только немецких, но и русских марксистов. Ленин, Мартов, другие видные социал-демократы часто бывали дома у Парвуса и очень его ценили, Троцкий, например, писал о нем как о «несомненно выдающейся марксистской фигуре конца прошлого и начала нынешнего столетия».

«Местопребыванием редакции «И.» был избран Мюнхен», – так о газете «Искра» говорит Большая советская энциклопедия, скромно умалчивая о том, что первая русская марксистская газета печаталась не просто в Мюнхене, а на квартире у Александра Парвуса. О Парвусе БСЭ в статье об «Искре» не упоминает ни единым словом, при том что его роль в создании газеты была определяющей. «На своей квартире в Швабинге Гельфанд оборудовал нелегальную типографию с современным печатным станком, – пишут З. Земан и В. Шарлау в книге «Парвус – купец революции», – имевшим специальное устройство, которое позволяло мгновенно рассы-

пать набор, – это была мера предосторожности против возможных налетов полиции. На этом станке было отпечатано восемь номеров «Искры». Редколлегия «Искры» оставалась в Мюнхене до начала 1902 года. Все это время Гельфанд занимал положение, которое его вполне устраивало. Он был хозяином и посредником, осуществлявшим связь между двумя мирами. Разногласий между ним и Лениным тогда еще не было. Он согласился писать для русской прессы о немецком социалистическом движении и с удовольствием знакомил молодое поколение русских социалистов с немецкими товарищами». Парвус не только издавал «Искру», но и был в числе ее самых «почетных» авторов, ради его статей редакторы без вопросов отодвигали с первой полосы других.

Набив руку на издании «Искры», в 1902 году Александр Парвус принялся за еще один издательский проект – «Издательство славянской и северной литературы». Из-за того, что Российская империя не подписала Бернскую конвенцию 1896 года об охране авторских прав, за границей русских авторов можно было издавать без каких-либо ограничений, не выплачивая им отчислений. Парвус предложил издавать произведения русских писателей небольшими тиражами, чтобы была возможность защитить их авторским правом. Кроме того, Парвус занимался и театральными постановками. В частности, ему удалось заключить договор на постановку в Германии пьесы Максима Горького «На дне».

Пьеса пошла на ура, только в Берлине состоялось более 500 представлений. Однако с деньгами вышла «заминка», а точнее, весьма темная история с участием самого Парвуса и его друга Юлиана Мархлевского, которого Парвус сделал руководителем своего издательства. Согласно договору, Парвус получал 20 % от сборов, Горький – 25, а все остальное шло в кассу РСДРП. Но ни Горький, ни РСДРП денег так и не увидели, а ведь речь шла о значительной сумме – порядка 130 тысяч марок. В 1907 году Горький подал жалобу на Парвуса в ЦК Немецкой социал-демократической партии. В начале 1908 года третейский суд в составе А. Бебеля, К. Каутского и К. Цеткин вынес решение в пользу Горького. Парвус подвергся «моральному осуждению» и был исключен как из РСДРП, так и из рядов немецких социал-демократов (по другим данным, формулировка решения суда была следующей: «возбраняется участие в социал-демократическом движении»). Чем завершилось это дело – до конца не ясно: одни источники утверждают, что Парвус подчинился решению суда и выплатил деньги еще в 1908 году, другие – что тяжба продолжалась до начала Первой мировой войны.

Эта история серьезно ударила по репутации Парвуса, что, однако, не сильно его волновало. Ради достижения своей истинной цели жизни – во чтобы то ни стало разбогатеть, он готов был на все.

* * *

Впрочем, мы несколько забежали вперед в нашем рассказе о весьма извилистом и загадочном жизненном пути Александра Гельфанда-Парвуса. В 1903 году, после раскола РСДРП на II съезде партии, он недолгое время поддерживал меньшевиков, но очень скоро перешел к большевикам. Парвус продолжал зарабатывать себе имя в социал-демократических кругах и делал это весьма успешно. После начала русско-японской войны он опубликовал в «Искре» серию статей «Война и революция», в которых предсказывал неизбежное поражение России и как следствие – революцию. Это сбывшееся на все сто предсказание (кстати, далеко не единственное в жизни Парвуса) принесло ему славу не только блестящего публициста, но и проницательного политика.

С началом в октябре 1905 года Всероссийской стачки по фальшивому паспорту Парвус вернулся в Россию. Естественно, не с целью созерцать, как будут развиваться события Первой русской революции, а принимать в них активное участие. Вместе с Троцким, с которым он сблизился еще за границей, Александр Лазаревич принял непосредственное участие в

создании Петербургского совета народных депутатов и вошел в его Исполнительный комитет. Парвус и Троцкий приобрели несколько газет и быстро «раскрутили» их тираж до невероятных высот.

3 декабря 1905 года Троцкий и ряд других членов Исполнительного комитета были арестованы. Через неделю был образован новый состав комитета, а Александр Парвус стал его председателем. Однако его председательство длилось недолго – члены комитета отказались поддержать его стремление продолжать забастовку «до победного конца» и Парвус в знак протеста вышел из его состава. А вскоре он также был арестован.

Осенью 1906 года состоялся суд над главными организаторами Всероссийской стачки. Парвус получил три года ссылки в Туруханский край; приговор, надо сказать, очень мягкий, тот же Троцкий, например, был приговорен к пожизненной ссылке с лишением гражданских прав. Но Парвус (кстати, как и Троцкий) сидеть в ссылке не собирался – по пути он сбежал, перебрался в Петербург, а затем в Германию. Здесь он некоторое время занимался написанием статей, одна из которых – «Колониальная политика и крушение капиталистического строя» – стала фактически первым глубоким исследованием империализма и оказала значительное влияние на теоретиков марксизма, в том числе и на Ленина.

Тем временем разгорелся уже известный читателю скандал с деньгами Горького, в России наступило время реакции, царское правительство стало требовать от германского правительства выдачи революционеров. И Александр Лазаревич решает, что ему лучше лечь на дно. Сделал он это так мастерски, что нынче его биографам и историкам практически ничего не известно, чем он занимался с 1908 по 1910 год.

В 1910 году Парвус вынырнул в Константинополе. В столице Турции он предполагал пробыть недолго, четыре-пять месяцев. Но в итоге прожил здесь пять лет, и эти пять лет стали, по выражению историка Л. Шуба, «самой сенсационной главой жизни этого человека». Очевидно, что поначалу Александр Лазаревич вынужден был играть роль талантливого, но бедного журналиста. «Часто мне приходилось ступать крайне осторожно, чтобы никто не заметил дыр на моих подметках», – писал он об этом периоде своей жизни. А затем произошла удивительнейшая метаморфоза. К 1912 году Александр Лазаревич Гельфанд-Парвус стал не просто богатым, а очень богатым человеком. Он ворочает миллионами, контролирует поставки зерна в турецкую столицу, является официальным представителем ряда немецких компаний, в том числе оружейного гиганта концерна Круппа. Но и это еще не все – Парвус стал политическим и финансовым советником при правительстве младотурок. Каким образом ему это удалось? На этот счет версий много, но все они базируются на догадках и предположениях. Есть, как и полагается, масонская версия – якобы в высшие политические круги Турции Парвуса ввел Мехмет Таллат – член правительства младотурок и по совместительству великий мастер ложи «Великий Восток Турции». Однако наиболее вероятными выглядят два других варианта развития событий. Первый – Парвус сумел пробить выгоднейший контракт на поставку зерна из России, буквально спасший режим младотурок от катастрофы, что и позволило ему сблизиться с правительством. И второй – ему на помощь снова пришло мастерское владение словом. Карл Радек писал об этом так: «Он сблизился с турецкими кругами и начал печатать в правительственном органе «Молодая Турция» прекрасные боевые статьи против всех проделок финансового капитала в Турции».

По роду своих занятий Парвус познакомился с неким доктором Максом Циммером, уполномоченным германского и австрийского посольств по делам антироссийских националистических движений, финансируемых Германией и Австро-Венгрией. В начале января 1915 года Парвус договорился с Циммером, что тот организует ему встречу с германским послом в Турции фон Вангенхаймом, который принял его 7 января.

Результатом этого разговора и стала телеграмма, которую Вангенхайм отправил своему непосредственному руководству. После ответа статс-секретаря МИДа Ягова Парвус отпра-

вился в Берлин. В конце февраля он был принят Яговым; кроме них в беседе участвовали представитель Министерства обороны Рицлер (который, как мы уже знаем, был представителем ставки кайзера) и вернувшийся из Турции Циммер. А спустя несколько дней Парвус направил германскому правительству подробный план организации революции в России – документ, известный под названием «Меморандум доктора Гельфанда».

Для многих историков, исследующих «дело о немецком золоте», «Меморандум» является едва ли не главным доказательством финансирования германским правительством Ленина и его революции. Действительно, если посмотреть на события 1917–1918 годов, то кажется, что большевики действовали точь-в-точь с планом Парвуса. Однако другие исследователи отмечают, что сам факт существования «Меморандума» и его соответствие действиям большевиков еще не является бесспорным доказательством «продажи» Лениным русской революции. Впрочем, об этом мы поговорим немного позже, а пока же обратимся непосредственно к «Меморандуму доктора Гельфанда». В целом документ занимает около 20 страниц, но мы не будем утомлять читателя и представим лишь «избранные» его фрагменты.

«МЕМОРАНДУМ Д-РА ГЕЛЬФАНДА[2]

9 марта 1915 г.

Приготовления к массовой забастовке в России

Следует начать приготовления к политической массовой забастовке в России под лозунгом «Свобода и мир», с тем чтобы провести ее весной. Центром движения будет Петроград, а в самом Петрограде – Обуховский, Путиловский и Балтийский заводы. Забастовка должна прервать железнодорожное сообщение между Петроградом и Варшавой и Москвой и Варшавой и парализовать Юго-западную железную дорогу. Железнодорожная забастовка будет преимущественно направлена на крупные центры с большим количеством рабочих сил, железнодорожными депо и т. д. Чтобы расширить область действия забастовки, следует взорвать как можно больше железнодорожных мостов, как это было во время забастовочного движения 1904–1905 годов.

Конференция русских социалистических руководителей

Эта цель может быть достигнута только под руководством русских социал-демократов. Радикальное крыло этой партии уже начало действовать, но необходимо, чтобы к ним присоединилась умеренная группа меньшинства. До сих пор объединению мешали в основном радикалы. Однако две недели назад их вождь Ленин сам открыто поднял вопрос об объединении с меньшинством.

Следует создать возможность добиться объединения на основе компромисса, вызванного необходимостью использовать ослабление административного аппарата страны в результате войны, и таким образом начать нужные действия. Следует понимать, что умеренная группа всегда находилась под большим влиянием немецких социал-демократов и личный авторитет некоторых немецких и австрийских социал-демократических вождей и сейчас может оказать на них сильное воздействие. После тщательного предварительного зондирования важно, чтобы конгресс русских социал-демократических лидеров был проведен в Швейцарии или другой нейтральной стране. В конгрессе должны участвовать: 1. Социал-демократическая партия большевиков. 2. Партия меньшевиков. 3. Еврейская лига. 4. Украинская организация Спилка. 5. Польская социал-демократическая партия. 6. Социал-

[2] Цит. по: Б. И. Николаевский. «Тайные страницы истории».

демократическая партия Польши. 7. Литовская социал-демократическая партия. 8. Финские социал-демократы…

Конгрессу может предшествовать дискуссия между большевиками и меньшевиками…

Русские социалисты-революционеры

Отдельные переговоры нужно провести с партией русских социалистов-революционеров. Эти люди наиболее склонны к национализму. Однако их влияние в рабочих кругах минимально. В Петербурге у них есть небольшое число приверженцев лишь на балтийских заводах. По вопросу массовой забастовки они могут быть без ущерба исключены. Их сфера – это крестьянство, где они оказывают существенное влияние, используя учителей народных школ.

Местные движения

Одновременно с подготовкой условий для массовой забастовки необходимо начать агитацию. Через Болгарию и Румынию можно установить связь с Одессой, Николаевым, Севастополем, Ростовом-на-Дону, Батуми и Баку. Во время революции русские рабочие этих городов выдвигали требования местного и производственного характера, на которые хозяева предприятий поначалу согласились, но затем так и не выполнили. Однако рабочие не забыли о своих требованиях. Два года назад матросы и рабочие верфи снова выдвинули те же требования во время забастовки. Агитацию следует строить именно на этом и постепенно придать ей политический характер. Хотя организовать в черноморском районе всеобщую забастовку, скорее всего, не удастся, возможно проведение местных забастовок в Николаеве, в Ростове и на некоторых предприятиях в Одессе, в связи с безработицей в этих местах…

Для организации этого движения нужно возродить организацию русских моряков… Тот факт, что города на побережье Черного моря будут серьезно затронуты войной на море, делает их особенно восприимчивыми к политической агитации. Особые усилия должны быть направлены на то, чтобы, как в 1905 году, революционные организации при поддержке рабочих контролировали городскую администрацию с целью облегчения участия бедных классов, страдающих из-за войны. Это последнее также послужит одним из толчков к общему революционному движению. Если произойдет восстание в Одессе, его может поддержать турецкий флот.

Перспективы мятежа на Черноморском флоте невозможно оценить до установления более тесного контакта с Севастополем.

Забастовка в Баку в районе нефтяных полей может быть организована сравнительно легко. Важно, что значительная часть рабочих здесь – татары, т. е. мусульмане. Если такая забастовка произойдет, то, как и в 1905 году, будут предприняты попытки поджечь нефтяные скважины и депо. Представляется также возможным организовать забастовки в районе шахт на Донце. Особенно благоприятны условия на Урале, где многие поддерживают большевиков. При бедности тамошнего населения организация забастовок среди шахтеров не составит труда, для этого понадобятся лишь незначительные суммы денег.

Сибирь

Особое внимание следует уделить Сибири…

В городах имеются деловые круги и интеллигенция, состоящая из политических ссыльных и тех, кто находится под их влиянием. Сибирские

избирательные округа направили в Думу социалистических депутатов. Во время революции 1905 года все управление находилось фактически в руках революционного комитета. Административный аппарат чрезвычайно слаб, а военный – сведен к минимуму, поскольку опасность со стороны Японии, по всей видимости, отпала. Эти обстоятельства позволяют создать в Сибири несколько центров деятельности. В то же время необходимо подготовить побеги политических ссыльных в Европейскую Россию, что является чисто финансовой проблемой. Если это сделать, в упомянутые выше агитационные центры и в Петроград можно направить несколько тысяч прекрасных агитаторов с обширными связями и бесспорным авторитетом. Это, конечно, может быть осуществлено только самими социалистическими организациями, так как только они обладают достаточной информацией о полезности отдельных лиц…

Рост революционного движения

Агитация в нейтральных государствах и агитация в России будут испытывать взаимное влияние. Дальнейшие события в большей мере зависят от течения войны. После восторгов первых дней в России наступило отрезвление. Царский режим нуждается в быстрых победах, а на деле терпит кровавые поражения. Даже если русская армия останется на зиму на теперешних позициях, по всей стране прокатится волна недовольства. Аппарат агитации, описанный выше, использует, углубит, расширит и распространит во все концы страны эти настроения масс. Повсеместные забастовки, восстания, вызванные недовольством масс, усиление политической агитации – все это поставит царское правительство в затруднительное положение. Если оно ответит репрессиями, это вызовет еще большее ожесточение; если оно проявит терпимость, это будет воспринято как признак слабости и еще больше разожжет революционный пожар. В 1904–1905 годах мы видели много доказательств этому. Если же, с другой стороны, русская армия понесет поражение, то антиправительственное движение приобретет невиданный размах. В любом случае при мобилизации имеющихся сил согласно вышеизложенному плану можно рассчитывать на массовую забастовку весной. Если массовая забастовка достигнет сколько-нибудь значительного размаха, царский режим будет вынужден сконцентрировать военные силы внутри России, особенно вокруг Петрограда и Москвы. К тому же, правительству понадобятся войска для защиты железных дорог. Во время забастовки в декабре 1905 года только на защиту железнодорожной линии между Москвой и Петроградом понадобилось два полка, и только благодаря этим полкам не были взорваны железнодорожные мосты около Твери и в других местах, а в Москву были переброшены гвардейские полки, которые и подавили восстание. Хотя основные усилия будут направлены на организацию железнодорожной забастовки на западе, будут делаться попытки организовать по мере возможностей и другие железнодорожные забастовки. Даже если это не везде удастся, царскому правительству придется задействовать крупнее военные силы для защиты мостов, станций и т. д. Забастовка вызовет замешательство внутри административного аппарата и приведет к его распаду.

Крестьянское движение и Украина

…Крестьянский вопрос в России сводится к вопросу о владении землей, а решение его тесно связано с созданием кооперативов и организаций, предоставляющих кредит под низкий процент, со школьным образованием,

налоговой системой и государственной администрацией в целом. На Украине все эти факторы, вместе взятые, вызывают требования автономии. Пока там доминирует царский режим, что выражается в наделении землей московской аристократии и в защите крупных русских помещиков от украинских крестьян всеми доступными средствами, у крестьян нет другого выхода, как восстать, едва они почувствуют слабость правительства или увидят, что режим находится в трудном положении. Одной из первых задач украинского правительства будет установление порядка и законности вместо анархии, возникшей в результате деятельности московского правительства, и при поддержке украинского народа оно с легкостью выполнит эту задачу. Образование независимой Украины явится одновременно освобождением от царского режима и спасением от хаоса крестьянских восстаний.

Если возникнут крестьянские выступления в центральной России (а великорусские крестьяне наверняка не останутся в бездействии, когда рядом с ними восстанут их украинские собратья), то и партия социал-революционеров откажется от своей политики бездействия. Эта партия оказывает большое влияние на русских крестьян через учителей начальных школ и пользуется авторитетом у трудовиков, крестьянской народной партии в Думе. Русские социал-демократы сразу же отреагируют на крестьянские волнения, если крестьяне решат бороться с царизмом…

Кульминация движения

Рост революционного движения в царской империи создаст, кроме всего прочего, атмосферу беспокойства. В дополнение к воздействию войны, могут быть предприняты специальные меры к усилению этого беспокойства. По понятным причинам наиболее благоприятными в этом смысле районами являются бассейн Черного моря и Кавказ…

Царскому правительству, чтобы выжить, необходимо быстро одержать победы на фронте – это факт, не требующий доказательств. Если оно продержится до весны, то даже нынешняя ситуация, в которой русская армия подвергается мучениям ничего не достигая, может вылиться лишь в революцию. Однако нельзя не учитывать трудности, стоящие перед движением.

Во-первых и в основном – это мобилизация, лишившая страну наиболее активных молодых элементов; во-вторых, это рост национальных чувств, вызванный войной. Но в случае, если война будет проиграна, это чувство переродится в озлобление, направленное против царизма. Следует понимать, что, в отличие от украинских или финских социал-демократов, русская социал-демократическая партия никогда не встанет на позицию, враждебную русской империи. Даже во время революции в рядах этой партии насчитывалось более миллиона рабочих, а с тех пор число ее последователей среди народных масс выросло настолько, что правительство дважды было вынуждено менять законодательство о выборах из опасений, что Думу заполонят социал-демократические депутаты. Такая партия непременно должна представлять интересы и настроения масс, которые не хотели войны и теперь вынуждены участвовать в ней. Социал-демократы решительно выступают против безграничного расширения власти вовне, что является целью царской дипломатии. Они считают это серьезным препятствием к внутреннему развитию народов, составляющих империю, – в том числе и русского народа. Они считают царизм ответственным за войну и поэтому

будут считать его ответственным за поражение в войне. Они будут требовать свержения правительства и быстрого заключения мира.

Если революционное движение достигнет значительных масштабов и даже если у власти в Петрограде останется царское правительство, можно сформировать временное правительство для обсуждения вопроса о перемирии и мирном договоре и для начала дипломатических переговоров.

Если царское правительство будет вынуждено заключить перемирие до того, как это случится, то чем лучше будет подготовлено революционное движение, тем громче оно тогда заявит о себе. Даже если царское правительство сумеет сохранить власть на период войны, оно никак не сможет удержаться после заключения мира, продиктованного извне.

Таким образом, армии центральных держав и революционное движение сокрушат колоссальную политическую централизацию, являющуюся воплощением царской империи и представляющую угрозу делу мира во всем мире, и уничтожат опору политической реакции в Европе.

Кампания в прессе

Развитие событий после завершения этого меморандума подтвердило предсказания относительно Румынии и Болгарии. Болгарская печать стала прогерманской, значительные изменения заметны в позиции румынской прессы. Наши усилия приведут в скором времени к еще более заметным результатам. Теперь особенно важно начать работу над *(пропущено слово)*.

1. Финансовая поддержка для группы большевиков в русской социал-демократической партии, которая борется против царизма всеми доступными ей средствами. Ее вожди находятся в Швейцарии.

2. Установление прямых связей с революционными организациями в Одессе и Николаеве через Бухарест и Яссы.

3. Установление контактов с организацией русских матросов. Кое-какие контакты уже осуществлены через человека в Софии, дальнейшие контакты возможны через Амстердам.

4. Поддержка деятельности еврейской социалистической организации «Лига» (не сионисты)…

11. Технические приготовления к восстанию в России:

а) составление точных карт русских железных дорог с указанием наиболее важных мостов, подлежащих уничтожению в целях нарушения сообщения, с обозначением главных административных зданий, депо и мастерских, которым нужно уделить особое внимание;

б) точные цифры о количестве необходимой взрывчатки. Следует помнить о нехватке материалов и трудных условиях, в которых будут осуществляться эти акции;

в) четкие и простые инструкции к пользованию взрывчаткой при взрыве мостов, больших зданий и т. п.;

г) простые формулы для изготовления взрывчатки;

д) разработка плана сопротивления вооруженным силам восставшим населением Петрограда, с уделением особого внимания рабочим кварталам, защите домов и улиц, сооружению баррикад и защите от кавалерии и пехоты.

Еврейская социалистическая «Лига» в России – революционная организация, поддерживаемая рабочими, которая сыграла важную роль даже в 1904 году. Она не имеет ничего общего с сионистами, от которых нечего ожидать:

1) потому что их партийная структура очень слаба,

2) потому что русские патриотические тенденции сильно проявились в ее рядах с начала войны,

3) потому что после балканской войны ядро их вождей активно пыталось сговориться с английскими и русскими дипломатическими кругами – что, однако, не мешало им пытаться воздействовать также и на германское правительство.

4) потому что они неспособны ни на какие политические акции».

* * *

Кто-то называл этот план бредовым, кто считал его руководством к действию. Так или иначе, для Парвуса задачей номер один было получить деньги под этот план. И он своего добился, хотя, возможно, и не в том объеме, в котором планировал. Свидетельством этого может быть следующий документ:

«СТАТС-СЕКРЕТАРЬ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ —
МИНИСТРУ ФИНАНСОВ ГЕРМАНИИ

Берлин, 6 июня 1915 г.

На революционную пропаганду в России требуется 5 млн

марок. Так как мы не можем покрыть эту сумму из фондов, находящихся в нашем распоряжении, я просил бы Ваше превосходительство предоставить ее мне по статье VI раздела II бюджета на непредвиденные расходы. Я был бы чрезвычайно благодарен Вашему превосходительству, если бы Вы сообщили мне о предпринятых Вами действиях.

Ягов».

Через неделю просьба фон Ягова была удовлетворена. Означало ли это, что план Парвуса был принят к исполнению? Да, но при этом насколько далеко германское правительство намеревалось зайти в его реализации – это остается одной из загадок «дела о немецком золоте». Некоторые историки, в частности З. Земан и В. Шарлау, полагают, что кайзеровская Германия «не собиралась играть с огнем» и речь шла не более чем о давлении на Николая II с целью подписания сепаратного мира.

Деньги деньгами, но чтобы воплотить в жизнь свой план, Парвусу необходимо было реализовать еще одну задекларированную идею – привлечь на свою сторону большевиков и другие социал-демократические силы, на которые он и делал основную ставку. А вот с этим у Александра Лазаревича были серьезные проблемы. Ореол «блестящего марксиста-публициста» давно улетучился, теперь революционеры, причем как российские, так и немецкие, видели в нем человека с подмоченной репутацией (дела о «На дне» и прочие грехи ему не забыли) и сомнительными связями. Еще в феврале 1915 года Троцкий опубликовал в газете «Наше слово» статью под заголовком «Некролог живому другу». «Парвуса больше нет. Теперь политический Фальстаф бродит по Балканам и порочит своего же покойного двойника», – писал Лев Давыдович о человеке, которого не так давно считал своим учителем. В одном из следующих номеров газета призвала всех социал-демократов воздержаться от любых контактов с Парвусом.

Однако контакты тем не менее были, и с далеко не последними людьми в социал-демократическом движении. В мае 1915 года в Берне Парвус встречался и с Лениным. О чем конкретно они говорили, точно не известно. Ильич об этой встрече нигде и никогда не упоминал (но то, что она состоялась, сомнений не вызывает), Парвус же в своих воспоминаниях говорил о ней весьма обтекаемо: «Я изложил ему мои взгляды на социал-революционные последствия

войны и обратил его внимание на тот факт… что сейчас революция возможна только в России, где она может разразиться в результате победы Германии». Естественно, трудно судить и о том, были ли на этой встрече достигнуты какие-либо договоренности. Если верить Артуру Зифельду, одному из заграничных соратников Ленина, Ильич сразу же после «совещания» сказал о Парвусе, что считает его «агентом Шейдемана[3] и других немецких социалистов, ставших шовинистами, и что он не хочет иметь с ним ничего общего», а затем якобы указал Парвусу на дверь. Однако другие исследователи считают, что все это не более чем создание видимости: «архиосторожный Ильич» просто не хотел себя скомпрометировать контактами с Парвусом, которого в то время едва ли не все социал-демократические газеты Европы критиковали (и не без оснований) за связи с кайзеровским правительством.

По мнению многих историков, встреча Ленина и Парвуса в Берне была организована при непосредственном участии еще одной «революционно-примечательной» личности – Якова Ганецкого.

Яков Станиславович Фюрстенберг родился в 1879 году в Варшаве в немецкой, но уже давно полонизированной семье. В 1896-м вступил в ряды Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ), через пять лет выехал в Германию, учился в Берлине, Гейдельберге, затем в Цюрихе. С 1902 года Ганецкий стал одним из ближайших соратников Феликса Дзержинского, который в то время был секретарем заграничного отделения СДКПиЛ. С 1903 года Ганецкий входит в число руководителей СДКПиЛ, а с 1907-го является членом ЦК РСДРП.

За свою деятельность Яков Ганецкий неоднократно арестовывался и столь же неоднократно совершал побеги. Организация побегов и освобождение арестованных товарищей по партии стали своеобразной специализацией Ганецкого, с его помощью получили свободу многие видные социал-демократы. На этой же почве Ганецкий сблизился и с Лениным. Когда в марте 1914 года последний был по подозрению в шпионаже арестован на польско-австрийской границе, именно Ганецкий, имевший тогда статус члена Краковского Союза помощи политзаключенным, объяснял полицейским чиновникам, что Ленин-де противник царской власти и «видный организатор стачек в России». И таки добился своего – Ленин был освобожден и переправлен в Швейцарию.

А в 1915 году Яков Ганецкий становится сотрудником работающего в Копенгагене Института по изучению причин и последствий мировой войны. Сей факт вновь заставляет нас обратить взоры на Александра Лазаревича Парвуса, поскольку Институт был создан на его деньги, а точнее на деньги, выделенные германским правительством.

Для Парвуса идея создания подобного института была очевидна. У социал-демократов он получил фактически от ворот поворот, а деньги меж тем надо было как-то отрабатывать. Каковы были истинные мотивы создания Института и чем на самом деле занимались его сотрудники – и поныне остается загадкой. Некоторые биографы Парвуса, в частности З. Земан и В. Шарлау, считают, что «институт занимался тем, чем и должен был заниматься, – исследовательской работой». Может быть и так, но очевидно, что Парвус активно приглашал на работу многих социал-демократов, прежде всего русских. Соглашались далеко не все, но некоторые все же перебирались в Копенгаген. По некоторым данным, Парвус даже заручился согласием самого Николая Бухарина, и только категорический запрет Ленина остановил того от переезда в столицу Дании.

Каковы были мотивы подобного запрета? Может быть, Ленин действительно хотел оградить своих соратников от контактов с Парвусом и его организаторами? Если да, то тогда почему под крылом у Парвуса оказался Ганецкий (причем некоторые историки утверждают, что едва

[3] *Шейдеман Филипп* (1865–1939) – немецкий политик социал-демократического толка, первый канцлер Веймарской республики.

ли не по личной рекомендации Ленина, доверенным лицом которого он тогда был) и не последний человек в социал-демократическом движении Моисей Урицкий (после революции – первый председатель Петроградской ЧК)?

В сентябре 1915 года Парвус начал издавать в Германии журнал «Die Glocke» («Колокол»). Основной тезис статей, в нем печатавшихся, – германский генеральный штаб является главным защитником интересов пролетариата в России. Через пару месяцев последовала реакция Ленина. В статье «У последней черты» он писал: «В шести номерах его журнальчика нет ни единой честной мысли, ни одного серьезного довода, ни одной искренней статьи. Сплошная клоака немецкого шовинизма, прикрытая разухабисто намалеванной вывеской: во имя будто бы интересов русской революции!»

На первый взгляд, подобная реакция однозначно свидетельствует об отношении Ленина к Парвусу. Но был ли «вождь революции» до конца откровенен? Многие исследователи считают, что нет. З. Земан и В. Шарлау, например, рассматривают эту ситуацию в следующем контексте: «Статья Ленина против «Die Glocke» была использована большевистскими публицистами как доказательство, что между их партией и Парвусом не было никакой связи. Но Ленин в своей статье воздержался от того, чтобы назвать Парвуса агентом германского правительства. Ленин ни одним словом не обмолвился об их встрече в мае 1915 года. Ленин считал политически целесообразным открыто отмежеваться от Парвуса, не порвав, однако, с ним окончательно. Молчаливое соглашение насчет роли Ганецкого, как помощника Парвуса и одновременно конфиденциального агента Ленина, ни в коем случае не могло быть расторгнуто из-за критики Лениным журнала “Die Glocke”».

* * *

Согласно Парвусу, день «Х», на который он «назначил» новую русскую революцию, был 22 января 1916 года. Однако с приближением этой даты становилось ясно, что революции не будет. По крайней мере пока. 23 января 1916 года немецкий посланник в Копенгагене Брокдорф-Ранцау доносит рейхсканцлеру: «Гельфанд настаивал приступить к действиям 22 января. Однако его агенты решительно отсоветовали, говоря, что немедленные действия были бы преждевременны». Что это за агенты и были ли они вообще – историкам неизвестно. В это время в Петрограде и других городах прошли забастовки рабочих, но к революции они не привели.

Меж тем, даже несмотря на то что обещанная революция не состоялась, Александр Парвус продолжал свою бурную деятельность. Относительная неудача с Институтом по изучению причин и последствий мировой войны подвигла его на создание более действенных, на его взгляд, инструментов борьбы как за революцию, так и за денежные знаки. В Копенгагене и Стокгольме Парвус создал несколько коммерческих организаций, среди которых особо выделялась фирма «Фабиан Клингсланд». Официальный род деятельности – экспортно-импортные операции. Но, скажем так, пикантность ситуации заключалась в том, что Парвус обеспечивал поставки из Германии – одной воющей страны, в Россию – другую воющую страну, противницу первой, дефицитнейшего медицинского оборудования и препаратов.

По идее, обычному бизнесмену, даже крупному, государство не позволило бы поставлять своему противнику в войне товары стратегического назначения. Но то, что не позволено быку, было позволено Парвусу. Интересные воспоминания о его торговых операциях оставил австро-венгерский дипломат Гребинг, работавший в то время в Стокгольме: «Несомненно, что Парвус и Фюрстенберг-Ганецкий могли и действительно вели, с помощью Германии, экспортную торговлю через Скандинавию с Россией. Этот экспорт германских товаров в Россию шел регулярно и в значительных количествах через фирму Парвуса – Ганецкого следующим образом: Парвус получал из Германии некоторые товары, такие как хирургические инструменты,

медикаменты и химические продукты, в которых Россия очень нуждалась, а потом Ганецкий, как русский агент, отправлял их в Россию. Но за эти товары они Германии ничего не платили, все вырученные ими деньги от продажи германских товаров, с первого же дня революции в России, были использованы, главным образом, для финансирования ленинской пропаганды в России».

Не менее интересен и другой аспект деятельности «Фабиан Клингсланд» – люди, поставленные Парвусом руководить фирмой. Управляющим компанией стал (так и хочется воскликнуть вслед за героем великой комедии Грибоедова: «Ба! Знакомые все лица!») не кто иной, как Яков Ганецкий, как мы уже неоднократно упоминали – один из ближайших соратников Ленина в дореволюционный период. Представительницей фирмы в Петрограде была Евгения Суменсон – двоюродная сестра Ганецкого, а юридическими делами заведовал Мечислав Козловский – еще один видный большевик польского происхождения, выходец из окружения Феликса Дзержинского, хорошо знакомый и Ленину.

Согласно версии журналиста Дмитрия Корнейчука, изложенной им в статье «Генеральный план “купца революции”», схема работы «Фабиан Клингсланд» выглядела примерно следующим образом:

«1) Деньги из немецкого казначейства переводились на счета фирм Парвуса в «Ниа Банкен» (Стокгольм) и «Ревизионсбанк» (Копенгаген).

2) Часть финансовых средств использовалась на печать нелегальной антиправительственной литературы, заполонившей Российскую империю, и торговые операции, пополняющие счета лично Парвуса. Оставшиеся финансы шли на закупку немецких медикаментов по льготным ценам.

3) Примерно 1/3 от вырученного от продажи дохода переводилась в банки Скандинавии. Основные же деньги «оседали» на российских счетах Ганецкого («Московский коммерческий» и «Частный коммерческий» банки) и Суменсон («Сибирский», «Азов-Дон»)».

В 1917 году деятельность Парвуса, Ганецкого, Козловского и Суменсон стала поводом для двух очень громких разбирательств. В середине июля (по новому стилю) Александр Парвус был в Берлине, где заверял немецких дипломатов в скорейшей победе большевиков. Последние в это время действительно подняли восстание в Петрограде («июльский кризис власти», или «июльский мятеж»), но оно было подавлено. После этого в адрес большевиков раздались первые обвинения в измене и сотрудничестве с немцами.

18 (5) июля в газете «Живое слово» появилась статья под заголовком «Ленин, Ганецкий и К° – шпионы!», авторами которой были бывший лидер фракции большевиков во 2-й Государственной думе Алексинский и просидевший более 20 лет в Шлиссельбургской крепости народоволец Панкратов. Уже через несколько дней появились и данные расследования, проведенного министерством юстиции Временного правительства. В них, среди прочего, говорилось следующее: «Расследование установило, что Яков Ганецкий-Фюрстенберг, проживая в Копенгагене во время войны, имел тесные финансовые связи с Парвусом, агентом германского правительства. Деятельность Парвуса, как агента германского и австрийского правительств, была направлена на поражение России в войне и отделение Украины…

Из многочисленных телеграмм, имеющихся в руках представителей юстиции, установлено, что между госпожой Суменсон, Ульяновым-Лениным, Александрой Коллонтай и Козловским, проживающим в Петрограде, с одной стороны, и Ганецким и Парвусом – с другой, шла постоянная большая переписка. Хотя в этой переписке говорилось о чисто коммерческих делах, об отправке разного рода товаров и о денежных операциях, но она дает достаточно оснований, чтобы сделать заключение, что это было просто прикрытие для сношений шпионского характера».

Не стоит думать, что эти сведения появились буквально за два дня. Расследование дела о государственной измене большевиков было начато еще в апреле 1917-го, когда контрразведка

Петроградского военного округа перехватила несколько писем, адресованных Парвусу. Письма якобы содержали фразы типа «мы надеемся скоро достигнуть цели, но необходимы материалы», «работа продвигается очень успешно», «присылайте побольше материалов», «будьте архиосторожны в сношениях». Была проведена графологическая экспертиза, установившая, что большинство писем были написаны рукой Ленина.

В июне контрразведка получила новые данные, на этот раз это были телеграммы, перехваченные союзными разведками. Эта была уже упомянутая переписка (по большей части, телеграммы) между Лениным, Зиновьевым, Ганецким, Козловским, Суменсон и Коллонтай. По предположению контрразведки, денежные суммы они зашифровывали словами «телеграммы», «карандаши» и др. Например, в одном из своих посланий Ганецкий писал: «…пусть Володя телеграфирует, прислать ли и в каком размере телеграммы для “Правды”» – это истолковывалось как запрос о финансировании главного печатного органа большевиков. Самыми «доказательными» следствие полагало телеграммы Евгении Суменсон Ганецкому: «Финансы весьма затруднительны, абсолютно нельзя дать крайнем случае 500 как прошлый раз. Карандашах громадные убытки, оригинал безнадежен, пусть Нюабанкен (вариант названия «Ниа Банкен». – *Авт.*) телеграфирует относительно новых 100 тысяч» и «Номер 90 внесла Русско-азиатский банк 100 тысяч».

На основании этих и других улик 1 июля 1917 года начальник контрразведки Петроградского военного округа подполковник Б. В. Никитин выписал ордер на арест 28 человек – верхушки партии большевиков во главе с Лениным. Но, как предполагается, удар был нанесен преждевременно. Министр юстиции Переверзев, давший по политическим мотивам добро на публикацию материалов, обвиняющих большевиков, фактически сорвал приезд в Россию и арест главного фигуранта этого дела Ганецкого – Суменсон успела его предупредить телеграммой: «Поездка теперь невозможна, послала письмо нарочным, когда смогу приглашу вас приехать, напишите, не откажите платить моему тестю двести рублей». Сама она, как и Козловский, была арестована, Ленин и Зиновьев сумели скрыться.

Парвус, не имевший возможности приехать в Россию, после июльских событий выпустил в Берлине брошюру под названием «Мой ответ Керенскому и компании», где, среди прочего, писал: «Я всегда всеми имеющимися в моем распоряжении средствами поддерживал и буду поддерживать российское социалистическое движение. Скажите вы, безумцы, почему вас беспокоит, давал ли я деньги Ленину? Ни Ленин, ни другие большевики, чьи имена вы называете, никогда не просили и не получали от меня никаких денег ни в виде займа, ни в подарок…»

Всего по делу большевиков следствие собрало 21 том материалов. Казалось бы, более чем достаточно, но уже в августе дело фактически стало разваливаться. Во Временном правительстве усилилось левое крыло, министром юстиции вместо Переверзева стал бывший адвокат Троцкого Зарудный, гораздо более мягко относившийся к большевикам. А сменивший его Малянтович, который, как помнит читатель, уже упоминался нами в связи с делом Николая Шмита, вообще заявил, что большевики неподсудны, поскольку действовали по политическим, а не уголовным мотивам. Многие из арестованных по этому делу были освобождены, в том числе и Суменсон. Убедительных улик против нее найдено не было, содержание телеграмм и движение денег она объясняла чисто коммерческими мотивами: согласно показаниям Суменсон, крупные суммы поступали ей от перекупщиков и снимались ею для перечисления в Стокгольм.

Вообще надо заметить, что, несмотря на громогласность обвинений следствия в адрес большевиков, доказательная база по этому делу была отнюдь не безупречна, а во многом просто малоубедительна. Косвенных улик сговора большевиков с немцами действительно было много, но прямых – практически не было. Так что если бы дело и дошло до суда, не факт, что оно было бы выиграно следствием. Но суд не состоялся, поскольку был назначен на начало ноября (по новому стилю) 1917 года…

Интересно, что после победы большевиков разбирательства по поводу коммерческой деятельности фирмы «Фабиан Клингсланд» не прекратились. Уже в конце 1917 года ЦК РСДРП(б) провел внутреннее расследование «по обвинению товарищей Ганецкого и Козловского в контрабанде и спекуляции».

Еще в июле 1917-го, отвечая на обвинения в связях с немцами, Ленин писал: «Прокурор играет на том, что Парвус связан с Ганецким, а Ганецкий связан с Лениным. Но это прямо мошеннический прием, ибо все знают, что у Ганецкого были денежные дела с Парвусом, а у нас с Ганецким никаких. Ганецкий, как торговец, служил у Парвуса, ибо они торговали вместе, и целый ряд русских эмигрантов, назвавших себя в печати, служил в предприятиях и учреждениях Парвуса». Очевидно, что Ильич отрицает свои финансовые связи с Парвусом, но признает наличие таковых у Ганецкого. Парвуса, как мы уже знаем, после 1915 года Ленин неизменно обвинял во всяческих нечистоплотных делах. По идее, примерно так же должно относиться и к человеку, который не один год работал на Парвуса. Собственно, так и поступило ЦК, отказавшись утвердить Ганецкого дипломатическим представителем в Швеции. Более того, по некоторым данным, речь шла (и даже дошла) до исключения Ганецкого из партии, такая же судьба ждала и Мечислава Козловского. Но тут в дело вмешался Ленин – в письме в ЦК он назвал все обвинения в его адрес «безответственной болтовней и необоснованными сплетнями». После этого и Ганецкий, и Козловский занимали ряд ответственных постов: первый возглавлял Народный банк РСФСР, был членом правления Центросоюза и членом коллегий Наркомфина, Внешторга и Наркомата иностранных дел СССР, входил в Президиум ВСНХ СССР, а перед арестом и расстрелом в 1937 году возглавлял Музей революции; второй одно время даже был руководителем Малого Совнаркома РСФСР.

* * *

Активная и весьма успешная до поры до времени финансовая деятельность Парвуса заставила некоторых историков задуматься над вопросом: а не играл ли он непосредственно перед Февральской революцией свою собственную партию? На такую мысль наталкивают прежде всего два момента. Первый – финансовый. К 1917 году только на счетах Ганецкого и Суменсон лежало более 2 млн рублей. Ясно, что на счетах самого Парвуса денег было еще больше. А последний «транш» от германского правительства составил 1 млн рублей. То есть Парвус был финансово самостоятелен для того, чтобы самому «революционизировать» Россию. И второй момент – после провала планов устроить революцию в январе 1916 года германский генштаб очевидно охладел к Парвусу и его «революционному потенциалу». Г. М. Катков, известный историк-эмигрант, отмечал, «что документы германского Министерства иностранных дел за период с февраля 1916 по февраль 1917 года не содержат указаний на какие бы то ни было действия, предпринятые Гельфандом, или на какие-либо суммы, переданные ему на нужды революции». Отсутствие документов Катков объяснял тем, что «в середине 1916 года Гельфанд не нуждался в субсидиях министерства, а значит, мог и не отчитываться в своих действиях, не подвергаться мелким придиркам и держать при себе те сведения, которые благоразумно было утаить от немцев… Несмотря на отсутствие каких бы то ни было доказательств в архивах германского Министерства иностранных дел, упорный характер забастовочного движения в России в 1916-м и в начале 1917 года наводит на мысль, что оно руководилось и поддерживалось Гельфандом и его агентами».

В принципе, аргументация выглядит достойно, но, как обычно бывает, на любые, казалось бы, убедительные доводы «за» находятся не менее убедительные доводы «против». Есть они и у тех, кто считает, что Парвус в ходе всего развития революционного процесса в России был надежно привязан к немецкому генеральному штабу и никогда не отклонялся от его не менее генеральной линии. Даже если предположить, что для своих финансовых операций

Парвус брал деньги не у немецкого казначейства (а это, учитывая масштабы операций, на самом деле предположить довольно трудно), а из своих личных средств, то все равно остается вопрос – как его допустили к торговле медицинским оборудованием и медикаментами, да еще с противником в войне. Очевидно, что без санкции высшего руководства Германии это было бы невозможно. Второе – без сомнения, Парвус находился под плотнейшим колпаком немецкой контрразведки и если бы он позволил себе некие «вольности», то его тотчас бы этим колпаком и накрыли. И третье – Февраль 1917 года и события, за ним последовавшие, показали, что интересы Александра Парвуса и генерального штаба по-прежнему совпадают.

* * *

Внимательный и хорошо знающий историю читатель наверняка заметил, что мы пропустили один важный момент событий между двумя революциями 1917 года – так называемый эпизод с «пломбированным вагоном». Что ж, пришло время наверстать упущенное.

«Ленин был перевезен в Россию, как чумная палочка», – так в свое время сказал об этом Уинстон Черчилль. Сравнение действительно яркое, хотя отношение к нему может быть, в зависимости от исторических и политических предпочтений, совершенно противоположным. Как, собственно, и к самому эпизоду.

Сторонники «немецкой руки в русской революции» считают поездку Ленина и других революционеров-эмигрантов в опломбированных вагонах через территорию Германии еще одним неоспоримым фактом, свидетельствующем о сотрудничестве большевиков и германского генерального штаба. Для тех же, кто такого сотрудничества не признает, «опломбированные вагоны» являются ничем не доказанной и тенденциозной попыткой обвинить большевиков во всех грехах.

Прежде чем попытаться определить, кто прав, напомним, о чем, собственно, идет речь.

«Разложение, внесенное в русскую армию революцией, мы естественно стремились усилить средствами пропаганды. В тылу кому-то, поддержавшему сношения с жившими в Швейцарии в ссылке русскими, пришла в голову мысль использовать некоторых из этих русских, чтобы еще скорее уничтожить дух русской армии и отравить ее ядом». Начальник штаба немецкого Восточного фронта Макс Гоффман, которому принадлежат эти строки, был не одинок в своих мыслях по поводу ситуации, которая сложилась в России после Февральской революции 1917 года. Естественно, что и революция в Российской империи, и возможность сыграть свою партию в сложившейся ситуации не могли не заинтересовать и наших старых знакомых: Александра Парвуса и германских дипломатов и военных. Практически заглохшие контакты и переписка между ними возобновились с новой силой.

21 марта 1917 года германский посланник в Дании Ульрих фон Брокдорф-Ранцау писал в родной МИД: «Д-р Гельфанд, с которым я обсуждал события в России, объяснил, что, по его мнению, конфликт имеет место главным образом между умеренными либералами и социалистическим крылом. Он не сомневается, что последнее победит. Однако победа социал-демократов в России означала бы мир. Лица, стоящие теперь у власти, очевидно, хотели бы продолжать войну. Лидеры этой политики – Милюков и Гучков. Они оба стараются оттянуть созыв Национального учредительного собрания, так как знают, что в тот момент, когда оно получит какое-то влияние, продолжение войны станет невозможным.

На мой вопрос, какова точка зрения армии, д-р Гельфанд ответил, что среди офицеров есть желание продолжать войну, особенно среди высшего командного состава, но рядовые хотят мира, и, что крайне важно, простые солдаты, без исключения, братаются с рабочими».

Но для того, чтобы «социалистическое крыло» в России победило, его необходимо было туда доставить – в то время большинство руководителей российской социал-демократии находились в эмиграции, в основном в Швейцарии. Как считают многие историки, идея доставки

Ленина и других, по словам Брокдорфа-Ранцау, «экстремистов, действия которых приведут к тому, что месяца через три можно рассчитывать на то, что дезинтеграция достигнет стадии, когда мы сможем сломить Россию военной силой», прошла по следующей цепочке: Парвус – Брокдорф-Ранцау – МИД – канцлер Бетман-Гольвег – ставка кайзера. Когда одобрение плана получили на самом верху, посол в Швейцарии фон Ромберг был уполномочен войти в контакт с русскими эмигрантами-революционерами в Швейцарии и предложить проехать в Россию через Германию. Одновременно с этим в начале апреля 1917 года казначейство выделило 3 млн марок на продолжение пропаганды в России.

Параллельно с немецкими дипломатами Парвус с одобрения германского генштаба решил действовать по своим каналам. Он направил в Цюрих своего (а также и немецкой разведки) человека Георга Скларца, который должен был организовать поездку, но только двоих – Ленина и Зиновьева. 24 марта (по старому стилю) Зиновьев по указанию Ленина посылает Ганецкому телеграмму: «Письмо отправлено. Дядя (Ленин. – *Авт.*) хочет знать более подробно. Официальный проезд только нескольких лиц – неприемлемо». Однако Скларц выехал в Швейцарию до получения Ганецким телеграммы Зиновьева, к тому же он еще больше осложнил дело тем, что в ходе переговоров предложил покрыть все расходы по поездке двух большевистских лидеров. После этого Ленин отказался от дальнейших переговоров. 28 марта Ганецкий получил от него новую телеграмму: «Берлинское разрешение для меня неприемлемо. Или швейцарское правительство получит вагон до Копенгагена, или русское договорится об обмене всех эмигрантов на интернированных немцев». Через два дня, говоря о возможных контактах с Парвусом, Ленин пишет Ганецкому: «Пользоваться услугами людей, имеющих касательство к издателю «Колокола» (имеется в виду Парвус. – *Авт.*), я, конечно, не могу».

Собственно, тот факт, что Ленин отказался от сотрудничества с Парвусом, не вызывает ни у кого сомнения. Однако трактуется он по-разному. Для сторонников Ленина (как тогда, в 1917-м, так и сейчас) это является еще одним неоспоримым фактом «кристальной честности» Ильича. Но есть и другое мнение – Ленин старался использовать любую возможность, чтобы подчеркнуть отсутствие каких-либо контактов с Парвусом и свое неприятие его. Но при этом он активно общался с людьми (с тем же Ганецким), входившими в ближайшее окружение Александра Лазаревича. Все это наводит некоторых историков на мысль, что упомянутые письма и телеграммы Ленина были не более чем игрой, рассчитанной на соответствующую обработку социал-демократического общественного мнения. Не исключается также, что Парвус был в курсе этой игры и даже сам ее и режиссировал.

В определенном смысле похожая ситуация сложилась и после ноября 1917 года. Мы уже упоминали о том, что Ганецкий, Козловский и другие люди из окружения Парвуса не просто получили важные посты при новой власти, – они находились под личной защитой Ленина. Однако самому Парвусу Ленин приехать в Россию не позволил, хотя тот и настоятельно просил об этом. Александр Лазаревич какое-то время пытался участвовать в процессах, проходивших в теперь уже советской России, но без особого успеха. «После Октября Парвус сделал было попытку сблизиться с нами, – писал в своих воспоминаниях Лев Троцкий, – он даже стал издавать для этой цели где-то в Скандинавии газетку на русском языке, кажется, под заглавием «Извне»… Помню, как весело мы смеялись по поводу неуклюжей попытки «бывшего» человека взять русскую революцию под свою высокую руку. «Надо поручить «Правде» его отхлестать…» – такими примерно словами откликнулся Ленин на парвусовскую попытку». В итоге Парвус хоть и продолжал издавать несколько изданий социал-демократического толка, но, по выражению Карла Радека, «политически он совершенно опустился». Умер Александр Парвус в том же 1924 году, что и Ленин.

* * *

Но вернемся к событиям марта-апреля 1917 года. На следующий день после окончательного отказа от услуг Парвуса Ленин связался со швейцарским социал-демократом Робертом Гриммом, выступавшим в качестве посредника в переговорах между русскими эмигрантами и немецким МИДом, и сообщил о «безоговорочном принятии» предложения фон Ромберга о проезде через территорию Германии. Вскоре роль посредника перешла к другому швейцарскому социал-демократу, личному другу Ленина Фридриху (Фрицу) Платтену.

Из Швейцарии Ленин сотоварищи сначала должны были попасть в Стокгольм. Германский генштаб в случае отказа Швеции готов был пропустить большевиков прямо через фронт, однако шведский МИД дал свое согласие. 4 апреля Платтеном и немецкими дипломатами были согласованы условия проезда.

> «УСЛОВИЯ ПРОЕЗДА РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ ЧЕРЕЗ ГЕРМАНИЮ
>
> 1. Я, Фриц Платтен, сопровождаю за полной своей ответственностью и на свой риск вагон с политическими эмигрантами и беженцами, возвращающимися через Германию в Россию.
>
> 2. Сношения с германскими властями и чиновниками ведутся исключительно и только Платтеном. Без его разрешения никто не вправе входить в вагон.
>
> 3. За вагоном признается право экстерриториальности. Ни при въезде в Германию, ни при выезде из нее никакого контроля паспортов или пассажиров не должно производиться.
>
> 4. Пассажиры будут приняты в вагон независимо от их взглядов и отношений к вопросу о войне или мире.
>
> 5. Платтен берет на себя снабжение пассажиров железнодорожными билетами по ценам нормального тарифа.
>
> 6. По возможности, проезд должен быть совершен без перерыва. Никто не должен ни по собственному желанию, ни по приказу покидать вагона. Никаких задержек в пути не должно быть без технической к тому необходимости.
>
> 7. Разрешение на проезд дается на основе обмена на германских или австрийских военнопленных или интернированных в России.
>
> 8. Посредник и пассажиры принимают на себя обязательство персонально и в частном порядке добиваться у рабочего класса выполнения пункта 7-го.
>
> 9. Наивозможно скорое совершение переезда от Швейцарской границы к Шведской, насколько это технически выполнимо.
>
> *Берн – Цюрих. 4 апреля (22 марта. Н.М.) 1917 г.*
>
> *(Подписал) Фриц Платтен*
>
> *Секретарь Швейцарской Социалистической Партии».*

Насколько равноправными в данной ситуации были отношения между русскими революционерами-эмигрантами и немецким правительством, и является ли вообще поездка в «опломбированном» (или же «экстерриториальном») вагоне доказательством сотрудничества большевиков с Германией? На этот счет мнения сторонников и противников версии «немецкого золота для большевиков», естественно, противоположны друг другу. Профессор С. Г. Пушкарев считает, что о каком-либо равноправии не могло быть и речи и в качестве аргументации

приводит седьмой пункт «Условий проезда»: «…поскольку ленинцы в то время в правительство не входили и в советах большинства не составляли, никакого обмена австро-германских интернированных в России они производить не могли бы: совершенно очевидно, что пункт этот не только не имел никакой обязательной силы для договаривающихся сторон, но и вообще не имел никакого реального смысла (и был включен только “для обмана невинных простаков”)».

Наиболее значимые аргументы другой стороны – это уже упоминавшийся категорический отказ Ленина от любого сотрудничества с Парвусом, а также тот факт, что революционеры-эмигранты пытались действовать открыто и легально, через Комитет по возвращению русских эмигрантов на родину (и это действительно так). Кроме того, «опломбированных вагонов» было несколько, германским коридором для возвращения в Россию воспользовались не только большевики, но и меньшевики и эсеры. Да и вообще в то время шпиономания в России достигла таких размеров, что в пособничестве немцам обвиняли не то что большевиков, но даже членов императорской фамилии.

* * *

Сама поездка Ленина и еще тридцати эмигрантов прошла без каких-либо эксцессов. Днем 9 апреля они выехали из Цюриха на пограничную станцию Готтмадинген, где пересели в вагон с опломбированными дверями, который сопровождали два офицера германского генштаба – капитан фон Планец и лейтенант фон Буринг. Вагон без остановок проследовал до станции Засниц, где пассажиры пересели на пароход «Королева Виктория». На нем они добрались до Мальмё, а 13 апреля Ленин и его попутчики прибыли в Стокгольм.

Гораздо более интересными, чем сама поездка, были последовавшие за ней события. В Мальмё Ленина встретил не кто иной, как Яков Ганецкий, в сопровождении которого Ильич и приехал в шведскую столицу. Нетрудно догадаться, что если где-то есть Ганецкий, то значит, где-то рядом должен быть Парвус. Так было и в этот раз. Парвус хотел встретиться с Лениным, однако тот ответил категорическим отказом, потребовав засвидетельствовать это трех лиц, в том числе и Карла Радека, прибывшего в Стокгольм вместе с Лениным.

Однако именно с Радеком Парвус провел в переговорах большую часть дня 13 апреля, и вряд ли у кого-то могут возникнуть сомнения, что Радек участвовал в них без санкции Ленина. «Мы никогда не узнаем точно, что эти два человека говорили друг другу, – пишет об этой встрече Давид Шуб. – Мало вероятно, чтобы они потратили много времени, обсуждая марксистские теории. Парвус в состоянии был обещать большевикам большую финансовую поддержку в будущей борьбе их за завоевание власти в России. А Радек был уполномочен Лениным принять это предложение. События последующих месяцев в России дают достаточно доказательств, что именно эта договоренность произошла в Стокгольме 13 апреля 1917 года».

Мы не будем столь категоричны в выводах, но факт действительно примечательный – Ленин снова демонстративно игнорирует Парвуса, однако активно контактирует с ним через других лиц. 16 апреля Парвус приехал в Копенгаген, тотчас отправился к Брокдорфу-Ранцау и подробно рассказал ему о своих переговорах с Радеком. В свою очередь, посол телеграфировал в Берлин: «Доктор Гельфанд сегодня вернулся из Стокгольма, где он вел переговоры с русскими эмигрантами из Швейцарии. Его вызвали в Берлин телеграммой от исполнительного комитета социал-демократической партии. Он приедет завтра и пробудет несколько дней».

Главной целью приезда Парвуса в Берлин была аудиенция у главы германского МИДа Артура Циммермана. Через несколько дней Александр Лазаревич был уведомлен, что министр ждет его. Аудиенция была строго секретной, свидетелей не было, протокол не велся. З. Земан и В. Шарлау на основе имевшихся у них скупых сведений пишут об этой встрече: «Нет никакого сомнения, что Парвус доказывал Циммерману необходимость поддержки Германией больше-

вистской партии. Большевикам нужны были деньги для расширения своей пропаганды мира в русском тылу, а также среди солдат на фронте, которая уже велась в течение многих месяцев. Эта пропаганда должна теперь значительно усилиться и быть связанной с политикой большевиков. Опасность, что германское военное наступление на восточном фронте поведет к объединению всех патриотических элементов в России и парализует пропаганду мира – все еще существует. От этого больше всех пострадают большевики. Парвус вновь настаивал, чтобы никакого наступления на русском фронте не было в течение нескольких месяцев. Еще раньше министерство иностранных дел просило государственное казначейство о новой ассигновке пяти миллионов марок для политических целей в России, и 3 апреля просьба эта была удовлетворена».

Тем временем, пока Александр Парвус делал свои дела в Германии, 16 апреля Ленин прибыл в Петроград. По воспоминаниям современников, он опасался ареста, однако был встречен цветами и оркестром. Сразу же после приезда Ленин выступил со своими «Апрельскими тезисами». В постреволюционном обществе, в том числе и среди большевиков, превалировали идеи признания демократического характера Февральской революции, поддержки Временного правительства и «обороны революционного отечества от германского империализма». Но Ленин выдвинул совершенно противоположные идеи – антивоенной борьбы и пропаганды, перерастания буржуазной революции в пролетарскую, отказа в поддержке Временного правительства, передачи власти Советам и осуществления социалистической программы-максимум (отмена полиции, армии, чиновничества, национализация банков и земли, в перспективе – построение «государства-коммуны»).

И уже на следующий день представитель Министерства иностранных дел в ставке кайзера Штайнвахс телеграфировал из Стокгольма в Берлин: «Приезд Ленина в Россию успешен. Он работает совершенно так, как мы этого хотели». А 30 апреля фон Ромберг, который, как мы уже говорили, был направлен МИДом Германии для переговоров с русскими революционерами-эмигрантами, сообщал канцлеру Бетман-Гольвегу: «Сегодня меня посетил Платтен, который сопровождал русского революционера Ленина и его последователей в их поездке через Германию, чтобы от их имени поблагодарить меня за услуги, оказанные им… Ленину… по словам Платтена, его сторонники устроили блестящую встречу. Можно сказать, что он имеет за собой три четверти петроградских рабочих. Труднее обстоит дело с пропагандой среди солдат, у которых еще сильно распространено мнение, что мы собираемся атаковать русскую армию. Как пойдет дальше развитие революции, пока еще не ясно. Возможно, что достаточно будет заменить отдельных членов Временного правительства как Милюкова и Гучкова социалистами. Во всяком случае, абсолютно необходимо притоком из-за границы увеличить число безусловных друзей мира… Из замечаний Платтена стало ясным, что у эмигрантов нет достаточных средств для ведения своей пропаганды, в то время как средства их врагов безграничны. Фонды, которые были собраны для них, попали главным образом в руки социал-патриотов. Я постараюсь при помощи агента расследовать деликатный вопрос, возможно ли будет предоставить им эти средства так, чтобы их не смутить».

* * *

О том, что было дальше, читатель отчасти уже знает – политика Ленина, скажем так, не понравилась Временному правительству, и оно обвинило его в пособничестве немцам. А далее была, собственно, Октябрьская революция и приход большевиков к власти. То есть часть плана «Парвуса – германского генштаба» (если, конечно, отталкиваться от стопроцентной уверенности, что таковой имел место) была реализована – большевики пришли к власти.

8 ноября 1917 года Второй Всероссийский съезд Советов принял Декрет о мире, в котором предложил всем воюющим государствам немедленно заключить перемирие и начать мирные переговоры. В ночь на 21 ноября Совнарком направил радиотелеграмму исполняющему

обязанности верховного главнокомандующего русской армии генералу Н. Н. Духонину с приказом немедленно предложить перемирие всем воюющим странам. В тот же день за отказ выполнить это распоряжение Духонин был смещен с должности. Наркомат иностранных дел обратился с нотой ко всем послам союзных держав, предлагая объявить перемирие и начать мирные переговоры.

22 ноября Ленин направил телеграмму во все фронтовые части: «Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем». В тот же день дипломатические представители союзных стран на совещании в Петрограде решили игнорировать ноту советского правительства. На следующий день главы военных миссий союзных стран при штабе верховного главнокомандующего вручили генералу Духонину коллективную ноту, в которой выразили протест против нарушения договора от 5 сентября 1914 года, запрещавшего союзникам заключение сепаратного мира или перемирия. Духонин разослал текст ноты всем командующим фронтами.

27 ноября Германия сообщила о согласии начать мирные переговоры с советским правительством. В тот же день Ленин от имени Совнаркома обратился с нотой к правительствам Франции, Великобритании, Италии, США, Бельгии, Сербии, Румынии, Японии и Китая, предлагая им присоединиться к мирным переговорам: «1 декабря мы приступаем к мирным переговорам. Если союзные народы не пришлют своих представителей, мы будем вести с немцами переговоры одни». Ответа на это предложение не было.

Так начинался еще один пункт исполнения плана «Парвуса – генштаба» – подписание Россией сепаратного мира. Рамки нашего очерка, к сожалению, не позволяют подробно остановиться на интереснейшей и во многом загадочной теме подписания Брестского мира. Для того чтобы подписать этот мирный договор, Ленину прежде всего пришлось преодолеть сопротивление своей партии, причем не каких-нибудь рядовых членов, а самого что ни на есть высшего руководства. И там были такие перипетии…

Собственно переговоры предваряло заключение перемирия между Россией и странами Четвертного союза. Соглашение, оформленное в Брест-Литовске 4 декабря 1917 года, предусматривало, что войска остаются на своих позициях, кроме того, прекращалась переброска новых частей на фронт.

На переговорах о заключении мирного договора, начавшихся 22 декабря, советская делегация пыталась отстоять принципы «мира без аннексий и контрибуций». Однако это совсем не устраивало немцев, причем с каждым этапом переговоров их требования ужесточались. Лев Троцкий пытался разрешить проблему своей знаменитой формулой «ни мира, ни войны». «Отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия со своей стороны объявляет состояние войны прекращенным. Российским войскам одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту», – заявил он немецким генералам. Но и это не сработало. В ультимативной форме немецкая сторона выдвинула жесткие условия, дав 48 часов срока для их выполнения. Одновременно 18 февраля 1918 года австро-германские войска начали наступление по всему фронту. Им, по сути, никто не оказывал сопротивления, разве что весенняя российская распутица. 23 февраля они заняли Псков, 3 марта – Нарву. Под угрозой был Петроград.

В этих условиях советское руководство было вынуждено согласиться с условиями немцев. Согласно условиям подписанного 3 марта 1918 года в Брест-Литовске представителями советской России, с одной стороны, и держав Четвертного союза (Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии) – с другой, от России отторгались привислинские губернии, Украина, губернии с преобладающим белорусским населением, Эстляндская, Курляндская и Лифляндская губернии, Великое Княжество Финляндское, Карсская область и Батумская область на Кавказе. Это означало, что страна потеряла территорию, на которой проживало 50 млн человек, добывалось свыше 70 % железной руды и около 9 % угля. Но и это еще не все: Советская

Россия обязывалась выплатить 6 миллиардов марок репараций плюс уплата убытков, понесенных Германией в ходе русской революции, – 500 млн золотых рублей.

* * *

Пришло время подводить итоги. То, что большевики в той или иной степени сотрудничали с немцами и брали у них деньги на революцию, сомнений не вызывает. Однако зададимся вопросом: что это доказывает? Является ли это свидетельством некоего предательства большевиками интересов своей родины? Да, безусловно… но только если руководствоваться ура-патриотическими и сентиментальными настроениями. Однако большая политика, борьба за власть в огромной стране не подразумевают сантиментов, здесь работает принцип «враг моего врага – мой друг». Взглянем теперь на то, что делали Ленин и компания с этой точки зрения. Боролись ли они со своей страной или же с режимом, ею управлявшим? Наверное, все же второе, если, конечно, не брать в расчет маловразумительные теории, утверждающие, что большевики были некой «темной силой», призванной не менее «темными силами», чтобы разрушить Россию. Режим, существовавший в Российской империи до 1917 года, был невероятно далек от идеалов демократии (точно так же, как от них был далек впоследствии и режим большевиков). Более того, большевики боролись против войны, уносившей миллионы жизней. Да, факт гибели миллионов волновал Ленина и его последователей в последнюю очередь, что они и доказали последующими тремя четвертями века своего правления, но, так или иначе, они выступали за прекращение огня. За это же выступало и германское правительство, притом, опять же, продиктовано это было отнюдь не гуманистическими идеалами. И получилось так, что интересы кайзеровской Германии и большевиков совпали.

Невозможно, на наш взгляд, однозначно оценить и то, что произошло после октября 1917 года. С точки зрения темы финансирования большевистской революции, наиболее важным является вопрос: чем, собственно, был Брестский мир? Расплатой по счетам? Очевидно – да, но в какой степени – это является загадкой, однозначно неразгаданной и до сих пор. «Некоторые ищут разрешения загадки в том, что первоначально большевики по чисто деловым соображениям воспользовались немецкими деньгами в интересах своей агитации и в настоящее время являются пленниками этого необдуманного шага», – сказал о Брестском мире уже упоминавшийся нами Эдуард Бернштейн, и он, по нашему мнению, очень близок к истине.

Безусловно, Брестский мир был поражением для страны под названием Россия, но «деловые соображения» для большевиков были в той ситуации гораздо важнее. Об этом говорит Юрий Фельштинский: «По иронии судьбы получалось, что для победы революции в России нужно было принести в жертву возможную революцию в Германии, а для успеха революции в Германии может быть пришлось бы пожертвовать советской властью в России. Именно эту альтернативу заключал в себе для советского правительства Брестский мир. Мирный договор с Германией давал германскому правительству известную передышку и улучшал общее положение страны. Наоборот, отказ советского правительства подписать мир ухудшал военное и общеполитическое положение Германии и увеличивал шансы германской революции».

И последнее. Кто кого использовал – немцы большевиков или же наоборот? На первый взгляд, этот вопрос может вызвать недоумение: верным является первый вариант. Это ясно и не подлежит сомнению… но только если рассматривать краткосрочную перспективу. Один факт – после подписания Брестского мира Советская империя просуществовала семьдесят с лишним лет, тогда как Германская – восемь месяцев. Так кто кого использовал – немцы Ленина или Ленин немцев? Ведь если «вождь мирового пролетариата» брал деньги у кайзеровского генштаба и МИДа на то, чтобы сначала сделать революцию у себя на родине, а затем финансировать революцию германскую, то это… Это хоть и циничная, но при этом гениальная комбинация. Впрочем, не будем вдаваться в область предположений. История финансирования

революционной борьбы в России – тема, в которой по-прежнему больше загадок и вопросов, чем достоверных сведений и ответов…

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Земан З., Шарлау В.* Парвус – купец революции. – Нью-Йорк, 1991.

2. *Корнейчук Д.* Гениальный план «купца революции» // «Зеркало недели». – 2007. – № 9, 8 – 16 марта.

3. *Николаевский Б. И.* Тайные страницы истории. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1995.

4. *Соболев Г. Л.* Русская революция и «немецкое золото». – Спб.: Нева, 2002.

5. *Токарев М.* Три смерти Николая Шмита // Москва и москвичи. – 2007. – № 12.

6. *Тополянский В.* В одной знакомой улице // Континент, 1998, № 98.

7. *Фельштинский Ю. Г.* Вожди в законе. – М.: Терра – Книжный клуб, 2008.

8. *Шуб Давид.* Политические деятели России (1850-х – 1920-х гг.). Глава шестая: «Парвус, Ленин и Вильгельм II».

ВОЖДИ ПОД ПРИЦЕЛОМ: ЗАГАДКИ ПОКУШЕНИЙ НА СОВЕТСКИХ ЛИДЕРОВ

В начале XX века некий русский эмигрант оказался в Париже. Здесь он вел вполне обычную жизнь – ходил в кофейни, театры и кабаре, переписывался с друзьями и знакомыми, иногда вполне по-эмигрантски скучал по родине. А еще он любил ездить по окрестностям на велосипедах. Однажды, в 1910-м, такая поездка закончилась происшествием, о чем эмигрант и писал своей сестре: «Ехал я из Жювизи, и автомобиль раздавил мой велосипед (я успел соскочить). Публика помогла мне записать номер, дала свидетелей. Я узнал владельца автомобиля (виконт, черт его дери) и теперь сужусь с ним через адвоката. Надеюсь выиграть».

Судебное разбирательство закончилось в пользу эмигранта. Об этом он также извещал своих родных: «Погода стоит такая хорошая, что я надеюсь снова взяться за велосипед, благо процесс я выиграл и скоро должен получить деньги с хозяина автомобиля».

Имя незадачливого виконта-автомобилиста история не сохранила, а вот имя русского эмигранта известно всем и каждому. Звали его Владимир Ульянов.

Именно так начиналась история покушений на советских лидеров. Конечно, и Ленин еще не был советским лидером, и покушения никакого не было, да и случай сам по себе являлся скорее курьезом, поскольку автомобилей даже по Парижу тогда ездило так мало, что любой факт их столкновения с кем-либо или чем-либо был сам по себе курьезным.

Позже, когда Владимир Ленин пришел к власти в России, все уже было гораздо серьезнее…

* * *

Большевики пришли к власти насильственным путем, а насилие, как известно, порождает насилие. Неудивительно, что у их лидера было множество врагов и многие из них пытались устранить его с политической арены отнюдь не парламентскими методами. Собственно, по мнению профессора В. И. Старцева, историю покушений на Ленина надо начинать с весны 1917 года, когда лидер большевиков прибыл из Швейцарии в Стокгольм. Здесь некий шведский аристократ якобы планировал убийство Ленина. Спустя несколько месяцев, после «июльского кризиса власти», Ленин вместе с Зиновьевым скрывался в сарае усадьбы служащего Сестрорецкого оружейного завода Емельянова в поселке Разлив. О том, что два руководителя РСДРП(б) скрываются где-то в районе Разлива, стало известно главнокомандующему войсками Петроградского военного округа генералу П. А. Половцеву. 11 июля 1917 года он распорядился направить на Сестрорецкий завод отряд под командованием штабс-капитана Гвоздёва. Официально этот отряд должен был разоружить «красную гвардию» завода, но настоящей его задачей был поголовный обыск домов рабочих с целью поимки Ленина и Зиновьева. Позже Половцев писал в своих воспоминаниях, что Гвоздёв перед отъездом в Разлив спросил его: «Хотите ли вы, чтобы я привез этого господина в целом или разобранном виде?» На это Половцев с улыбкой ответил: «Арестованные часто делают попытки к бегству». Большевикам стало известно о готовящейся операции, и поэтому Ленин и Зиновьев провели у Емельянова всего одну ночь, после чего были перевезены на лодке в шалаш у озера Разлив.

Первое покушение на Ленина уже как на главу советского государства было предпринято спустя полтора месяца после Октябрьской революции. Предоставим слово очевидцу – сестре Ленина Марии Ульяновой: «1 (14) января 1918 года, под вечер, Владимир Ильич выступал в Михайловском манеже перед первым отрядом социалистической армии, уезжавшим на фронт.

На митинг его сопровождали швейцарский товарищ Платтен и пишущая эти строки. Выйдя после митинга из манежа, мы сели в закрытый автомобиль и поехали в Смольный. Но не успели мы отъехать и нескольких десятков саженей, как сзади в кузов автомобиля, как горох, посыпались ружейные пули. «Стреляют», – сказала я. Это подтвердил и Платтен, который первым долгом схватил голову Владимира Ильича (они сидели сзади) и отвел ее в сторону, но Ильич принялся уверять нас, что мы ошибаемся и что он не думает, чтобы это была стрельба. После выстрелов шофер ускорил ход, потом, завернув за угол, остановился и, открыв двери автомобиля, спросил: «Все живы?» – «Разве в самом деле стреляли?» – спросил его Ильич. «А то как же, – ответил шофер, – я думал – никого из вас уже и нет. Счастливо отделались. Если бы в шину попали, не уехать бы нам. Да и так ехать-то очень шибко нельзя было – туман, и то уж на риск ехали».

Всё кругом было действительно бело от густого питерского тумана.

Доехав до Смольного, мы принялись обследовать машину. Оказалось, что кузов был продырявлен в нескольких местах пулями, некоторые из них пролетели навылет, пробив переднее стекло. Тут же мы обнаружили, что рука т. Платтена в крови. Пуля задела его, очевидно, когда он отводил голову Владимира Ильича, и содрала на пальце кожу.

«Да, счастливо отделались», – говорили мы, поднимаясь по лестнице в кабинет Ленина».

Судьба распорядилась таким образом, что через двадцать лет «спаситель вождя мирового пролетариата» Фриц Платтен (который принимал активное участие в обеспечении проезда Ленина и других революционеров-эмигрантов в Россию через территорию Германии) был отстранен от работы в Коминтерне, арестован и приговорен к восьми годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях. Это был мягкий по тем временам приговор, однако Платтену хватило и этого. Через четыре года родственники швейцарского коммуниста получили извещение, что он умер в лагере от сердечно-сосудистого заболевания. Позже было установлено, что от голода и болезней Платтен просто не смог работать и был расстрелян конвоирами.

Что же касается организаторов и исполнителей, то, несмотря на все усилия ЧК, их установить и задержать не удалось. Впоследствии, когда некоторые из участников покушения на Ленина перебрались за границу, стало известно, что заговор был устроен группой во главе с князем Шаховским.

* * *

> «Всем Советам рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов, всем армиям, всем, всем, всем.
>
> Несколько часов тому назад совершено злодейское покушение на тов. Ленина. Роль тов. Ленина, его значение для рабочего движения России, рабочего движения всего мира известны самым широким кругам рабочих всех стран. Истинный вождь рабочего класса не терял тесного общения с классом, интересы, нужды которого он отстаивал десятки лет.
>
> Тов. Ленин, выступавший все время на рабочих митингах, в пятницу выступал перед рабочими завода Михельсона в Замоскворецком районе гор. Москвы. По выходе с митинга тов. Ленин был ранен. Задержано несколько человек. Их личность выясняется. Мы не сомневаемся в том, что и здесь будут найдены следы правых эсеров, следы наймитов англичан и французов.
>
> Призываем всех товарищей к полнейшему спокойствию, к усилению своей работы по борьбе с контрреволюционными элементами. На покушения, направленные против его вождей, рабочий класс ответит еще большим

сплочением своих сил, ответит беспощадным массовым террором против всех врагов Революции.

Товарищи! Помните, что охрана ваших вождей в ваших собственных руках. Теснее смыкайте свои ряды, и господству буржуазии вы нанесете решительный, смертельный удар. Победа над буржуазией – лучшая гарантия, лучшее укрепление всех завоеваний Октябрьской революции, лучшая гарантия безопасности вождей рабочего класса.

Спокойствие и организация! Все должны стойко оставаться на своих постах. Теснее ряды!

председатель
Всероссийского центрального Исполнительного Комитета
Я.Свердлов».

Это воззвание, принятое ВЦИК 30 августа 1918 года в 22.40 и на следующий день переданное по радио и опубликованное в газетах, за всю историю советского государства стало фактически единственным сообщением власти о том, что на ее лидера покушались. На самом деле покушений этих было не одно и не два. Но попытка Фанни Каплан (до поры до времени мы будем придерживаться официальной версии) убить Ленина в самом конце лета 1918-го было действительно самым известным. Почему? Во-первых, Каплан была единственной, кому хотя бы отчасти удалось достичь цели – Ленин был тяжело ранен. А во-вторых… Во-вторых, есть достаточно много свидетельств того, что выстрелы на заводе Михельсона прозвучали «очень удачно», в «нужный момент» для большевиков, и именно поэтому они решили сделать покушение достоянием всего народа, чего не делали впоследствии ни разу. Впрочем, так ли это на самом деле, попытаемся выяснить немного позже, а пока же остановимся на том, кто же такая Фанни Каплан – «главная террористка советской эпохи».

* * *

«Имя, отчество, фамилия или прозвище, к какой категории ссыльных относится? – Фейга Хаимовна Каплан. Каторжная.

Куда назначается для отбытия наказания? – Согласно отношения Главного Тюремного Управления от 19 июня 1907 г., за № 19641, назначена в ведение Военного Губернатора Забайкальской области для помещения в одной из тюрем Нерчинской каторги.

следует ли в оковах или без оков? – В ручных и ножных кандалах.

Может ли следовать пешком? – Может.

требует ли особо бдительного надзора и по каким основаниям? – Склонна к побегу.

состав семейства ссыльного. – Девица.

рост. – 2 аршина 3 1/2 вершка.

Глаза. – Продолговатые, с опущенными вниз углами, карие.

цвет и вид кожи. – Бледный.

Волосы головы. – Темно-русые.

особые приметы. – Над правой бровью продольный рубец сант. 2 1/2 длины.

Возраст. – По внешнему виду 20 лет.

племя. – Еврейка.

Из какого звания происходит? – По заявлению Фейги Каплан, она происходит из мещан Речицкого еврейского общества, что по проверке, однако, не подтвердилось.

Какое знает мастерство? – Белошвейка.

природный язык. – Еврейский.

Говорит ли по-русски? – Говорит.

Каким судом осуждена? – Военно-полевым судом от войск Киевского гарнизона.

К какому наказанию приговорена? – К бессрочной каторге.

Когда приговор обращен к исполнению? – 8 января 1907 года».

К тому моменту, когда летом 1907 года чиновник Киевской губернской тюремной инспекции заполнял анкету на осужденную Фейгу Каплан, она уже успела поучаствовать в подготовке террористического акта против киевского генерал-губернатора Сухомлинова, заработать несколько тяжелых ранений, почти ослепнуть и получить смертный приговор, замененный на пожизненную каторгу. И было дочери набожного и вполне лояльного к властям меламеда хедера (учителя начальной еврейской школы) в Волынской губернии всего-то навсего семнадцать лет…

Фейга Хаимовна Ройдман родилась 10 февраля 1890 года в многодетной семье, в которой было четыре сестры и столько же братьев. Образование она получила дома. Вряд ли ее отец предполагал, что его дочь станет террористкой, но «революционные вихри» уже вовсю витали над Российской империей…

Свою «карьеру» Фейга начала с анархистов, к которым примкнула в ходе революции 1905 года. «Дора» (под этим именем она была известна в революционных кругах) вместе со своим гражданским мужем Виктором Гарским готовила самодельную бомбу для киевского градоначальника, будущего военного министра Российской империи Владимира Сухомлинова. Но, видимо, навыков обращения с «адскими машинками» у них было еще немного – взрывное устройство сработало прямо в номере гостиницы «Купеческая». Гарский сбежал, а Фанни, сильно раненная (в «правую руку, правую ягодицу и левую голень», как значилось в медицинском свидетельстве, оформленном перед ее отправкой по этапу), была задержана полицией. В те времена с революционерами не церемонились, не смотрели ни на возраст, ни на пол – Киевский военно-полевой суд приговорил Каплан к смертной казни. Впрочем, из-за несовершеннолетия осужденной приговор все же смягчили – до пожизненной каторги, отбывать которую она должна была в Акатуйской каторжной тюрьме.

Каторга была тяжелейшим испытанием, однако за все время ни одной просьбы о помиловании Каплан не написала. Она тяжело болела, несколько раз лежала в больнице. Фанни страдала от тяжелых головных болей, но самое страшное – она теряла зрение. Одна из каторжанок, сидевших вместе с ней, вспоминала: «В камере с нами была бессрочница Каплан, слепая. Она потеряла зрение еще в Мальцевской (каторжной тюрьме, где Каплан сидела до пересылки в Акатуй. – *Авт.*). При аресте ее в Киеве взорвался ящик с бомбами, которые она хранила. Отброшенная взрывом, она упала на пол, была изранена, но уцелела. Мы думали, что ранение в голову и явилось причиной слепоты. Сначала она потеряла зрение на три дня, затем оно вернулось, а при вторичном приступе головных болей она ослепла окончательно. Врачей-окулистов на каторге не было; что с ней, вернется ли зрение или это конец, никто не знал. Однажды (каторгу) объезжал врач областного управления, мы попросили его осмотреть глаза Фани. Он очень обрадовал нас сообщением, что зрачки реагируют на свет, и сказал, чтоб мы просили перевода ее в Читу, где ее можно подвергнуть лечению электричеством. Мы решили – будь что будет, а надо просить Кияшко (начальника каторги. – *Авт.*) о переводе Фани в Читинскую тюрьму для лечения. Тронула ли его молодая девушка с незрячими глазами, не знаю, но только

мы сразу увидели, что дело нам удастся. Расспросив нашу уполномоченную, он громогласно дал слово перевести Фаню немедленно в Читу на испытание».

В итоге срок Фанни сократили до двадцати лет. Но до конца она их не отсидела – после Февральской революции ее, как подавляющее большинство других «политических», освободили из тюрем и каторг.

Пока Фанни была в Акатуе, ее семья (в 1911 году) переехала в Соединенные Штаты. Была такая возможность и у Фанни – из страны еще выпускали, родственники обещали помочь с деньгами на проезд. Но Америка Каплан не интересует – ей хочется быть в гуще революционных событий. Зачем уезжать за океан, если здесь, в России, свершилось то, за что боролась юная Фаня и за что провела десять лет на каторге? И Фанни решает ехать в Москву, к своей подруге, также политкаторжанке Анне Пигит. Ее родственник, Д. И. Пигит, владел московской табачной фабрикой «Дукат», а также большим доходным домом на Большой Садовой улице, № 10. Здесь, в квартире № 5, Фанни прожила с Анной около месяца, а затем уехала в Евпаторию, где Временным правительством был открыт санаторий для амнистированных политзаключенных. В санатории, как утверждают некоторые источники, Фанни познакомилась с Дмитрием Ульяновым – братом Ленина. Существует мнение, что именно Дмитрий помог Каплан попасть в Харьков, в глазную клинику доктора Гиршмана, однако согласно другим данным, Каплан просто узнала в санатории от кого-то из больных, что в Харькове есть «чудо-доктор», который оказывает помощь всем, вне зависимости от толщины кошелька.

Операция в Харькове прошла успешно – глаза Фанни, пусть и частично, стали видеть свет. Конечно, о какой-то остроте зрения говорить не приходилось, но она хотя бы стала различать силуэты и могла самостоятельно ориентироваться в пространстве. Из Харькова Фанни переехала в Симферополь, где занимала должность заведующей курсами по подготовке работников в волостные земства. Здесь, как вспоминала сама Каплан, на всем готовом, 150 рублей в месяц, она прожила до февраля 1918 года.

* * *

Сидя на каторге, Фанни продолжала мечтать о всеобщем счастье, но политические взгляды ее при этом несколько изменились. «В Акатуе я сидела вместе со Спиридоновой[4]. В тюрьме мои взгляды сформировались – я сделалась из анархистки социалисткой-революционеркой. Свои взгляды я изменила потому, что попала в анархисты очень молодой».

Партия социалистов-революционеров, более известная под сокращением «эсеры», – явление особенное в русской политической и революционной истории. Если, например, социал-демократы вооруженными способами предпочитали «зарабатывать» деньги, то социал-революционеры видели свою задачу в уничтожении высших чинов существующей власти. Большинство громких политических убийств, совершенных в России в период с 1901 по 1917 год, именно на счету эсеров. Чтобы проиллюстрировать это, процитируем историка Николая Костина: «В феврале 1901 года эсер П. В. Карпович смертельно ранил министра народного просвещения Н. П. Боголепова, подписавшего за месяц до этого приказ об отдаче в солдаты 183-х студентов Киевского университета. 2 апреля 1902 года в своем кабинете в Мариинском дворце в Петербурге членом боевой организации эсеров С. В. Балмашевым был убит министр внутренних дел Д. С. Сипягин. В мае 1903 года слесарь Уфимских железнодорожных мастерских эсер Е. Дулебов убил генерал-губернатора Н. М. Богдановича. 15 июля 1904 года эсер Е. С. Созонов недалеко от Обводного канала, на Измайловском проспекте, увидел приближа-

[4] Спиридонова Мария Александровна (1884–1941) – русская революционерка, видный деятель партии эсеров, член Боевой организации (БО). После прихода к власти большевиков неоднократно арестовывалась, погибла в заключении.

ющийся экипаж министра внутренних дел В. К. Плеве, сошел с тротуара и бросил в его карету бомбу. Плеве был убит. Созонов, тяжело раненный, арестован.

В начале 1905 года эсер И. П. Каляев бросил бомбу в Московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, а в конце года по постановлению боевой организации эсеров ее член А. А. Биценко несколькими выстрелами застрелила усмирителя аграрных волнений в Саратовской губернии генерал-лейтенанта В. В. Сахарова.

Террористические акты были совершены против начальника охранного отделения Нижнего Новгорода, губернатора Уфы, градоначальника Москвы, командира Семеновского полка генерала Г. А. Мина. Готовились покушения на полковника Н. К. Римана, министра внутренних дел П. Н. Дурново, генерал-губернатора Москвы Ф. В. Дубасова, жестоко подавивших Декабрьское вооруженное восстание».

Особая песня в партии эсеров – Боевая организация (БО). Самая законспирированная часть партии, БО фактически находилась на автономном положении – ЦК партии давал ей задание на совершение очередного террористического акта и указывал желательный срок его исполнения. И все, дальше БО действовала самостоятельно – у нее были своя касса, явки, адреса, квартиры; никто, даже высшие руководители ЦК партии, не имел права вмешиваться в ее внутренние дела.

Эсеры бойкотировали выборы в Государственную думу 1-го созыва, участвовали в выборах в Думу 2-го созыва, в которую от них было избрано 37 депутатов, а после ее роспуска в июне 1907 года снова бойкотировали выборы в Думу 3-го и 4-го созывов.

Пик популярности эсеров и влияния их на общественно-политическую жизнь России пришелся на период после февраля 1917 года. Партия эсеров, вступив в блок с меньшевиками-«оборонцами», стала крупнейшей политической силой страны – к лету 1917-го в партии было около 1 млн чел., объединенных в 436 организаций в 62 губерниях, на флотах и на фронтах действующей армии. Эсеры играли значительную роль во Временном правительстве, членами партии эсеров были А. Ф. Керенский, В. М. Чернов – министр сельского хозяйства (он же – главный теоретик партии и автор ее программы), Н. Д. Авксентьев – министр внутренних дел, председатель предпарламента.

Однако власть эсеры удержать не сумели и после Октябрьского переворота превратились едва ли не в главных врагов большевиков (равно как и любая другая политическая сила, не желавшая четко следовать «генеральной линии»). Впрочем, эсеры, к тому моменту расколовшиеся на два основных крыла – центристское и интернационалистское (левые эсеры), – некоторое время оставались заметной и влиятельной силой. Особенно это касалось левых эсеров, которые были союзниками большевиков в осуществлении Октябрьской революции.

В марте 1918 года левые эсеры в знак протеста против подписания Брестского мира вышли из состава Совнаркома. Но при этом они продолжали оставаться в коллегиях наркоматов, военном ведомстве, разных комитетах, комиссиях, советах, более того, – на тот момент левые эсеры занимали едва ли не ведущее положение в ВЧК.

14 июня 1918 года ВЦИК исключил из своего состава представителей партий эсеров (правых и центра) и меньшевиков. Тот же декрет ВЦИК рекомендовал всем советам рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов удалить из своей среды представителей этих партий. Это был первый звонок для левых эсеров, недаром член ЦК «интернационалистов» В. А. Карелин назвал этот декрет незаконным, так как по закону менять состав ЦИК мог только Всероссийский съезд Советов.

Разногласия между недавними союзниками стремительно углублялись. Прежде всего эсеры были не согласны с политикой большевиков на селе, продразверсткой и прочими методами «борьбы за урожай». На V Всероссийском съезде Советов левые эсеры открыто выступили против них, однако были в меньшинстве (около 350 депутатов из 1164) и поддержки не получили.

После этого Всероссийский съезд левых эсеров, заседавший в Москве одновременно с V съездом Советов, по вопросу о внешней политике постановил: «Разорвать революционным способом гибельный для русской и мировой революции Брестский договор. Выполнение этого постановления съезд поручает ЦК партии». В свою очередь, ЦК решил прибегнуть к «знакомым» методам…

* * *

События, разыгравшиеся 6 июля 1918 года в немецком посольстве в Москве, сами по себе весьма загадочны и при этом имеют определенное отношение к теме покушения на Ленина, поэтому остановимся на них поподробнее.

В этот день в 14 часов 15 минут около особняка по адресу Денежный переулок, 5, где, собственно, находилось посольство Германии, остановился темный «паккард», из которого вышли два человека. Швейцару они предъявили удостоверения сотрудников ВЧК на имя Якова Блюмкина и Николая Андреева и потребовали встречи с послом Вильгельмом фон Мирбахом. В посольстве осознавали, что в сложившейся ситуации возможны любые инциденты (дипмиссия неоднократно получала сигналы, что на посла готовится покушение), и поэтому Мирбах практически не принимал посетителей. Но узнав, что прибыли официальные представители ВЧК, он решил сделать исключение. К послу присоединились советник посольства доктор Курт Рицлер и адъютант военного атташе лейтенант Леонгарт Мюллер в качестве переводчика.

Беседа началась около 14.45. Блюмкин показал послу бумаги, которые якобы изобличали родственника посла, некоего Роберта Мирбаха, в шпионской деятельности. Посол ответил, что никогда о таком «родственнике» не слышал. Второй сотрудник ВЧК, Андреев, поинтересовался, хочет ли Мирбах знать, какие меры намерено предпринять ЧК. Дипломат кивнул, после чего Блюмкин выхватил револьвер и открыл огонь. Он выстрелил трижды, но ни один из выстрелов не достиг цели. Дипломаты бросились бежать. Андреев мгновенно выхватил и бросил бомбу, но она не взорвалась, после чего он уже из револьвера смертельно ранил фон Мирбаха. Блюмкин поднял с пола неразорвавшуюся бомбу и бросил ее вторично. Раздался взрыв. Чекисты выпрыгнули в окно и через сад побежали к «паккарду». Спустя несколько мгновений Андреев уже был в машине, Блюмкин же при приземлении сломал ногу. В этот момент охранники посольства открыли огонь по убегавшим. Одна из пуль угодила Блюмкину в ногу, но ему, с простреленной и сломанной ногой, удалось перебраться через ограду и добежать до машины.

На первый взгляд, все было ясно – убийство немецкого посла было организовано и осуществлено левыми эсерами, которые таким образом пытались настроить Германию против советской России и добиться разрыва Брестского мира. Однако не все так просто. В этом деле было немало подводных камней, немало моментов, затрагивающих высших руководителей советского государства.

Начать хотя бы с того, что Блюмкин и Андреев были вполне реальными сотрудниками ВЧК. В этом не было ничего удивительного, однако Блюмкин, несмотря на свой юный возраст (на момент убийства ему было всего 19 лет), был руководителем одного из подразделений, созданных при важнейшем в ВЧК отделе по борьбе с контрреволюцией. И не какого-нибудь, а… отделения, нацеленного на работу против «шпионской деятельности германского диппредставительства» (Андреев официально числился фотографом этого отделения). Более того, Блюмкин и Андреев предъявляли документы (некоторые из них они оставили в посольстве – в ходе следствия эти документы были одной из важнейших улик), подписанные самим председателем ВЧК Феликсом Дзержинским. Который, в свою очередь, также был противником Брестского мира.

Реальной персоной, кстати, был и Роберт Мирбах, правда, «немного» не в той ипостаси, в какой представили его немецкому послу Блюмкин и Андреев. На самом деле он был русским

подданным, до революции служил в хозяйственной части Смольного института. Но кто мог помешать ЧК сделать из Роберта Мирбаха австро-венгерского офицера, якобы служившего в 37-м пехотном полку, попавшего в русский плен и освобожденного из него после ратификации Брестского мира? Никто, тем более что в реализации этого плана принимал участие сам Феликс Дзержинский. Знал ли председатель ВЧК, каковы истинные планы Блюмкина и Андреева, или же считал, что «дело Мирбаха» будет использовано для давления на посла? На этот вопрос однозначного, стопроцентно верного ответа нет. Но так или иначе, на руках у Блюмкина оказались два документа.

Первый ВЧК получила от датского консульства, в то время представлявшего в советской России интересы австро-венгерских подданных. Чекистам удалось убедить сотрудников консульства, что Роберт Мирбах является австрийским офицером и родственником немецкого посла, и те выдали справку следующего содержания: «Настоящим Королевское Датское генеральное консульство доводит до сведения Всероссийской чрезвычайной комиссии, что арестованный офицер австро-венгерской армии граф Роберт Мирбах, согласно письменному сообщению Германского дипломатического представительства в Москве, адресованному на имя Датского генерального консульства, в действительности состоит членом семьи, родственной германскому послу графу Мирбаху, поселившейся в Австрии».

После этого у Блюмкина появился второй документ: «Всероссийская чрезвычайная комиссия уполномочивает ее члена Якова Блюмкина и представителя Революционного трибунала Николая Андреева войти в переговоры с господином Германским послом в Российской Республике по поводу дела, имеющего непосредственное отношение к господину послу. Председатель

Всероссийской чрезвычайной комиссии: Ф. Дзержинский. Секретарь: Ксенофонтов».

Дзержинский, отвечая на вопросы специальной следственной комиссии ВЦИК, утверждал, что его подпись на последнем документе подделана. Но в целом его показания были весьма запутанны и противоречивы. Он, к примеру, говорил, что «Блюмкина я близко не знал и редко с ним виделся». Что, исходя из логики и принципов работы ВЧК, неправда – не мог председатель Чрезвычайной Комиссии «не близко» не знать начальника одного из важнейших направлений руководимой им организации и редко общаться с ним. Это позднее говорил и сам Блюмкин: «…вся моя работа в ВЧК по борьбе с немецким шпионажем, очевидно, в силу своего значения, проходила под непрерывным наблюдением председателя Комиссии т. Дзержинского и т. Лациса».

7 июля 1918 года, на следующий день после убийства Мирбаха, Дзержинский подал заявление об освобождении его от должности председателя ВЧК в связи с тем, что он «является одним из главных свидетелей по делу об убийстве германского посланника графа Мирбаха». Очевидно, чтобы успокоить немцев, Ленин придал освобождению «железного» Феликса демонстративный вид – его заявление рассматривалось на заседании ЦК РКП(б), а постановление о снятии с должности было не только напечатано в газетах, но и расклеено по всей Москве.

А знал ли Ленин о готовящемся покушении? Опять же, дать однозначный ответ на этот вопрос сложно. Однако зададим еще один вопрос: как должен вести себя глава государства в ситуации, которая, по идее, грозила перерасти в новую войну? Что удивительно – есть не одно свидетельство того, что Ленин был едва ли не доволен сложившейся ситуацией. Леонид Красин вспоминал (так, по крайней мере, рассказывал сотрудник советского полпредства в Берлине Георгий Соломон), что Ленин в дни кризиса говорил «с улыбочкой»: «Мы произведем среди товарищей левых эсеров внутренний заем и таким образом и невинность соблюдем, и капитал приобретем».

А вот еще один факт: нарком просвещения Анатолий Луначарский свидетельствовал, что в его присутствии Ленин, имея в виду убийц Мирбаха, отдал следующий приказ: «Искать, очень тщательно искать, но… не найти». Приехав же в немецкое посольство, чтобы лично при-

нести извинения от имени советского правительства, Ленин выразил уверенность, что «дело будет немедленно расследовано и виновные понесут заслуженную кару». Но когда дело действительно дошло до наказания виновных, советская власть вдруг проявила удивительную мягкость.

Андреев, находившийся после убийства Мирбаха в Украине, вскоре умер от тифа. А вот Блюмкин в мае 1919 года оказался в Москве и явился с повинной. И… получил амнистию. Постановление Президиума ВЦИК гласило: «Ввиду добровольной явки Я. Г. Блюмкина и данного им подробного объяснения обстоятельств убийства германского посла графа Мирбаха президиум постановляет Я. Г. Блюмкина амнистировать». Вот так просто – достаточно всего лишь «подробно объяснить обстоятельства убийства» посла иностранного государства и все – убийца прощен. А вскоре Яков Блюмкин и вовсе был принят в партию большевиков (!) по личной рекомендации (!!) Феликса Дзержинского[5]. Кстати, уже 22 августа 1918 года, всего через полтора месяца после теракта в посольстве, Дзержинский вновь возглавил ВЧК.

* * *

Убийство немецкого посла стало началом цепочки событий, которые в итоге и привели к покушению на Ленина. Сбежав из посольства, Блюмкин и Андреев скрылись в одном из домов в Трехсвятительском переулке, где располагался отряд ВЧК под командованием их товарища по партии Дмитрия Попова. Этот отряд состоял из 800 человек (некоторые источники указывают цифру 1800 бойцов) и имел на вооружении несколько артиллерийских орудий и броневиков.

Узнав о случившемся, Дзержинский отправился в Трехсвятительский переулок, где был задержан Поповым. Судьба председателя ВЧК (пока еще) висела на волоске. На борьбу с эсерами были мобилизованы работники советских и коммунистических органов, делегаты съезда Советов, рабочие Москвы. Когда стало известно о мятеже отряда Попова, Ленин и Свердлов приказали арестовать руководство левых эсеров, которое в тот момент находилось в Большом театре на заседании съезда Советов. Ленин взял на себя руководство разгромом левых эсеров. Ночью 7 июля на места ушла телеграмма за его подписью: «Повсюду необходимо подавить беспощадно этих жалких и истеричных авантюристов. Будьте беспощадны против левых эсеров и извещайте чаще». Непосредственно боевыми действиями руководили член Высшего военного совета Николай Подвойский и командир латышских стрелков Иоаким Вацетис.

Ранним утром 7 июля латышские части, при поддержке пулеметов, пушек и броневиков, начали операцию по уничтожению левоэсеровских отрядов. В течение нескольких часов мятеж был подавлен. Попов сумел скрыться (он, как активный участник махновского движения, был пойман и расстрелян в 1921 году), 13 наиболее активных участников мятежа из его отряда, в том числе и заместитель председателя ВЧК В. Александрович, были арестованы и согласно постановлению ВЧК на следующий день расстреляны…

Два предыдущих абзаца – это официальная версия того, что в советской историографии было принято называть «левоэсеровским мятежом 6–7 июля 1918 года». Об этих событиях в 1968 году был даже снят художественный фильм по сценарию Михаила Шатрова с соответствующим названием – «Шестое июля», соответствующим же пафосом и малоправдивым изложением того, что происходило на самом деле.

---

[5] Впоследствии Блюмкин учился в Академии Красной армии, работал в секретариате Троцкого, был переведен в Иностранный отдел ОГПУ, руководил советской разведкой в Тибете, в Монголии, в северных районах Китая, на Ближнем Востоке. В ноябре 1929 года, после того как Блюмкин в Стамбуле встретился с Троцким и решил передать в СССР его письмо, он был арестован и приговорен к расстрелу.

Слово «мятеж», согласно словарям, означает «массовое стихийное или организованное выступление социальных групп, направленное против существующего социально-экономического порядка или властей». Но отряд Попова никуда «не выступал», это признавали даже советские историки, например автор вышедшей в 1971 году книги «Крах одной авантюры» Леонид Спирин: «Никаких вариантов военных действий не существовало, отряд Попова так и не сдвинулся с места до самого разгрома, оборона занятых позиций свелась к отсиживанию в двух зданиях Трехсвятительского переулка». Одновременно с событиями в Москве серьезные восстания, сопровождавшиеся грабежами и убийствами советских работников и членов их семей, происходили в других городах: Ярославле, Вологде, Арзамасе, Муроме и т. д. Но все они были организованы либо белогвардейскими офицерами, либо правыми эсерами, левые же эсеры к ним не имели отношения, более того, принимали участие в их подавлении. Единственным действительно левоэсеровским выступлением против власти стал демарш командующего Восточным фронтом Михаила Муравьева. 11 июля 1918 года он во главе отряда в тысячу человек прибыл из Казани, где тогда находился штаб фронта, в Симбирск и приказал занять все стратегически важные пункты города и арестовать военных и гражданских руководителей. Оставшиеся на свободе верные большевистскому правительству руководители города пригласили Муравьева на совещание и прямо там же без лишних слов застрелили. После этого выступление в Симбирске было быстро подавлено.

Преувеличены, мягко говоря, и утверждения о том, что «судьба Дзержинского висела на волоске». Есть не одно свидетельство того, что во время своего пребывания в доме в Трехсвятительском переулке Дзержинский и Попов спокойно пили вместе чай. Вообще же вся эта ситуация с приездом Дзержинского в «логово мятежников» выглядит довольно странно: создается впечатление, что не Попов задержал Дзержинского, а сам «железный» Феликс решил «задержаться» у своих (что тоже немаловажно) подчиненных. Правда, тот же Спирин объясняет бездействие мятежников и мягкость по отношению к Дзержинскому тем, что руководство партии левых эсеров оказалось в заложниках у большевиков. Может быть, и так. Но непонятно, зачем назначать убийство немецкого посла и последующие за ним выступления на тот день, когда все руководство партии находилось в Большом театре, где проходил съезд, и их всех можно было арестовать «не отходя от кассы»? Именно поэтому многие современные историки считают, что Дзержинский поехал в Трехсвятительский переулок не для того, чтобы потребовать выдачи убийц Мирбаха, а чтобы удержать своего подчиненного Попова от спонтанного выступления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.